

ИСКУССТВО ЛЕГКИХ КАСАНИЙ

ТАЙНЫЕ ВИДЫ НА ГОРУ ФУДЗИ

ІРНИСК 10

ЛАМПА МАФУСАИЛА

СМОТРИТЕЛЬ

ЛЮБОВЬ К ТРЁМ ЦУКЕРБРИНАМ

БЭТМАН АПОЛЛО

S.N.U.F.F.

АНАНАСНАЯ ВОДА ДЛЯ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

Т

П5

EMPIRE V

ШЛЕМ УЖАСА

СВЯЩЕННАЯ КНИГА ОБОРОТНЯ

ЧИСЛА

GENERATION «П»

ЧАПАЕВ И ПУСТОТА

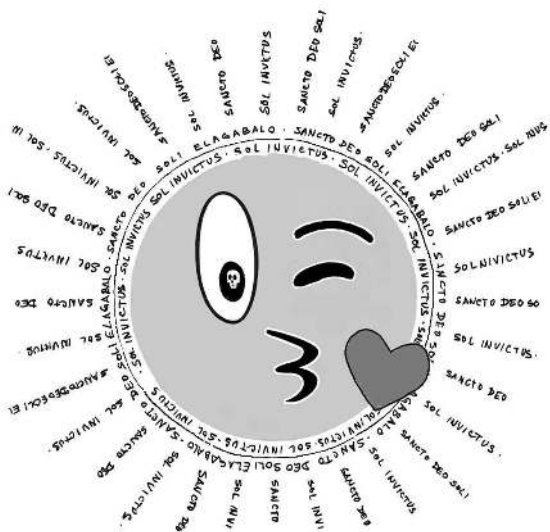
ЖИЗНЬ НАСЕКОМЫХ

ОМОН РА

ПОВЕСТИ И ЭССЕ

РАССКАЗЫ

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

НЕПОБЕДИМОЕ СОЛНЦЕ

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П24

Оформление серии
«Единственный и неповторимый. Виктор Пелевин»
«Издательство «Эксмо»

Оформление серии Pocketbook *С. Костецкий*

Пелевин, Виктор Олегович.
П24 **Непобедимое Солнце / Виктор Пелевин. —**
Москва : Эксмо, 2023. — 704 с. — (Единствен-
ный и неповторимый. Виктор Пелевин).

ISBN 978-5-04-117568-9 (Единственный
и неповторимый)

ISBN 978-5-04-168905-6 (Pocketbook)

Саша — продвинутая московская блондинка. Ей тридцатник, вируса на горизонте еще нет, и она уезжает в путешествие, обещанное ей на индийской горе Аруначале лично Шивой.

Саша встретит историков-некроэмпатов, римских принцепсов, американских корпоративных анархистов, турецких филологов-суфиев, российских шестнадцатых референтов, кубинских тихарей и секс-работниц и других интересных людей (и не только). Но самое главное, она прикоснется к тайне тайн — и увидит, откуда и как возникает то, что Илон Маск называет компьютерной симуляцией, а Святая Церковь — Мiром Божиим.

Какой стала Саша после встречи с тайной, вы узнаете из книги. Какой стала тайна после встречи с Сашей, вы уже немного в курсе и так.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-117568-9
ISBN 978-5-04-168905-6

© В. О. Пелевин, текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ЧАСТЬ I. МАСКИ КАРАКАЛЛЫ

Я решила встретить свой тридцатник, несясь по дороге на мотоцикле.

Я обожаю всяческий символизм. То есть когда жизнь рифмует. Мне даже кажется, что эти рифмы можно подделывать — это и есть магия, симпатическая и очень мне симпатичная. Мы как бы разъясняем толстозадой неповоротливой судьбе, какой хотим ее видеть, и иногда она понимает намек.

Но не всегда, к чему я скоро вернусь.

Технически мой проект был осуществим просто. Моя мама запомнила время моего рождения как «где-то между пятью и шестью вечера» — и мне достаточно было провести в седле примерно час.

Мотоцикл «Tiger», шлем и кожанку я одолжила у знакомой рокерши, которую все звали Рысью (у нее, кажется, даже паспорт был на это имя). Рысь сначала ни в какую не хотела, но когда я честно объяснила ей, в чем дело, прониклась и сжалилась. Она такие вещи понимает.

Рысь старше всего на десять лет, но ведет себя со мной как мама, хотя сама полагает, что это модус старшей сестры.

— Ой, моя девочка, — сказала она, сложив руки на груди, — а это ведь серьезная веха. Тридцатник в патриархальной педофильской деспотии третьего мира — повод задуматься над ходом времени. И над необратимой судьбой женского организма...

Я показала ей «ОК», сделанный из пальцев. Как сознательная и передовая женщина, я демонстрирую кольцо из большого и указательного вместо патриархального среднего, известного как «фингер». Понимают не все. Рысь, конечно, поняла — но таким ее не смутить.

— Знаешь, что дальше? — заботливо продолжала она. — Ты будешь постепенно выпадать из педофильского поля охоты. Потом станешь замечать биологические изменения. Кожа, обмен веществ, вот это все. Рухнет самооценка. Легко можешь стать психиатрической пациенткой. В общем, если вовремя не встретишь себя, будет плохо...

— Встретишь себя — это как?

— Я, например, себя встретила на трассе, — сказала Рысь и почесала рыжий ежик. — С тех пор не расстаюсь. Но советы в этой области неуместны.

— Почему? — спросила я, хотя уже догадывалась, что она скажет.

— Потому, — ответила Рысь. — Люди требуют тащить их из дерьма на буксире, чтобы было кого обвинить в неудаче. Я это на себе проходила...

Она протянула мне ключи.

— Разобьешься — не приходи.

Это не входило в мои планы. Я неплохо ездила когда-то на мотобайках — и была уверена, что со времени моего первого азиатского трипа законы физики не успели сильно измениться.

Рысь доверила мне мотоцикл всего на пару часов, поэтому я спешила. План был такой — выехать на Каширку и разогнаться на трассе к Домодедово. Промчать, так сказать, по символической взлетной.

Но там была пробка — столкнулось сразу несколько машин, дорога встала, и заветные минуты прошли бы в ожидании полиции. Поэтому в последний момент я повернула на кольцо, где тоже была пробка, хоть и не такая безнадежная.

Я довольно прилично углубилась в нее, лавируя между машинами под унылый патриархальный мат, пока не поняла, что встречать юбилей на кольцевой — это довольно сомнительное символическое решение. Даже, наверно, еще более сомнительное, чем просто ждать ментов. Но было уже поздно.

Возвращала мотоцикл я в унылом настроении.

Ты символов хочешь, сказала товарищ жизнь, их есть у меня... И самое обидное, что символизм был довольно точным. Так все и обстояло.

Я тоже встретила себя на трассе, только не в том оптимистическом смысле, о котором говорила Рысь. Отличный повод задуматься, что же со мной происходит — и почему вместо прямой как стрела взлетной полосы в свои тридцать лет Саша Орлова едет в пробке по кольцу, лавируя между не особо симпатичными мужскими харями.

Так вот пытаешься что-то разъяснить жизни, а она разъясняет тебе. Жизнь ведь тоже любит намеки и рифмы.

Тридцатник для девушки — это все-таки круто. Скажем так, ты не то чтобы прямо полностью «выпадаешь из педофильского поля охоты» (здесь Рысь, конечно, говорила о своем, наболевшем), но некоторые серьезные симптомы ощущаются.

Думаю, их чувствует любая. Особенно, как было верно подмечено, в патриархальной стране третьего мира, где девочек с детства учат осознавать свою товарную ценность (потому что другой у них просто нет) и бессознательно конкурировать с подругами за воображаемого самца даже на женской зоне.

Нет, в тридцать ты еще красивая, свежая,

и дают тебе то двадцать два, то двадцать пять. Но ты ведь не дура — и видишь рядом настоящих двадцатилеток. И думаешь — боже, какие они грубые уродины... И выглядят старше своих лет, просто ужас. Ну, не всегда так думаешь, конечно, но часто, и это плохой признак.

Потому что в двадцать ты косилась на тридцатилетних и называла их про себя «тетками». А теперь все поменялось местами. Нет, ты еще не тетка, но больше не сырое тесто, из которого жизнь что-то такое вдохновенно лепит. В тридцатник ты уже готовый батон...

Вот оно, слово — батон. В двадцать твое тесто еще поднимается, набирает высоту и, даже если все вокруг твердят, что дальше по ходу конвейера — печка, это «там» еще не здесь.

А в тридцать уже нет никакого «там». В тридцать выясняется, что тебя уже испекли. И хоть все отлично и очень солнечно, жизнь становится интереснее с каждым днем и можно совершенствовать себя по ста восьми разным методикам, были бы время и деньги, на самом деле уже понятно, что дальше и как.

Вот так же, как сейчас, только с каждым днем твой батон будет немного черстветь, жизнь будет отщипывать от тебя по кусочку, и в конце концов останется старческий сухарик. Горбушка-бабушка. В английском действительно есть такое слово — «babushka».

Такие дела, подруга. Будешь активно работать над собой, заниматься йогой и ходить к коучам на тренинги, станешь «бабушкой». А иначе помрешь простой бабушкой с ударением на первом «а». Все предсказуемо и линейно.

У самцов в педофильском патриархате, конечно, маршруты немного другие, а у нас все вот именно так — и разные красивые исключения с женских сайтов только подтверждают правило. Рысь права. Она умная. И уже была там, где я сейчас.

Такое чувство, что раньше твой мотоцикл ехал в гору и все впереди было скрыто большой скалой (я знаю похожее место в Гоа) — а потом ты повернула, и дорога теперь видна далеко-далеко. Она, если честно, идет вниз, и ехать по ней ну не то чтобы скучно — но ты уже не визжишь от радости, поворачивая руль.

Зато в тридцать ты умная. Ну или так тебе по глупости кажется.

На самом деле жаловаться грех. Время, как ни странно, пошло мне на пользу.

Бывает, что в тридцать лет девушка уже полная тетя, особенно когда есть мохнатый муж и дети, ежедневно выдаивающие бедняжку досуха. Но мне кажется, что дело здесь не столько в эксплуататорах, сколько в генах. Гены решают все. Такой вот патриархальный междусобойчик.

В двадцать я была симпатичной пышечкой — милое полудетское личико, в котором проще опознать котика, чем человека. Я в это время обожала так фотографироваться — красная кнопка на носу и по три черных черточки на щеках: усы.

Мы тогда еще не знали, что это символическое потворство объективаторам, видящим в женщине исключительно киску в техническом смысле. А может быть, в глубине души знали — и сознательно потворствовали.

В конце концов, пока ты молодая и красивая, патриархат не так уж и страшен и солидарность между девушками, на которых есть спрос, и теми, на кого его уже нет, отсутствует. Это плохо — но мы, увы, понимаем подобное только с возрастом, когда переходим во вторую категорию, о чем постоянно говорит Рысь. Здесь полагалось быть смайлику, но его не будет.

К тридцати я похудела. У меня вообще не особо крупные формы, и это хорошо, потому что время безжалостно к бюстгрудному стандарту. Дыни быстро портятся, апельсины и лимоны сохраняются лучше. Некоторые девушки с единичкой и даже двойкой десять лет назад, помню, ставили силикон. Из моих знакомых — аж две (сейчас обе уже вынули). До чего же надо докатиться внутри себя для такой

капитуляции... Как вопрошал когда-то кадет Милюков, что это — глупость или маркетинг?

Главное, все делается ради самца — но его таким образом не усладишь, потому что ему нельзя будет толком браться за эти места. Самцы постоянно принимают женские молочные железы за гири в спортзале, а такого ни один имплант не выдержит. В общем, совсем не моя тема, и я даже не понимаю, почему на нее отвлеклась. Наверно, все-таки когда-то про это думала, но господь не попустил. Спасибо.

Самая приятная возрастная трансформация произошла с моим лицом — оно подсохло, подтянулось, похудело и стало... мною. Как сказал культурист Петя (о нем еще расскажу), «когда на тебя смотришь, сначала кажется, что ты только наполовину красивая. Ну, как бы красивая не до конца. И сразу хочется подойти к тебе, погладить и простить».

Угу. Их на самом деле довольно длинная очередь — тех, кто хочет подойти и все простить.

В общем, совершенно искренне — если сравнить меня в двадцать со мной в тридцать, второй вариант нравится мне гораздо больше. И другим тоже. Как выразилась одна подруга, «из кринки получилась амфора». Наверно, намекала на античный возраст, но я поняла позитивно.

Вот только есть в этом и обратная сторона. В двадцать вперед была я нынешняя. А что вперед у нынешней меня?

Я практически блондинка. Ну, если чуть-чуть доработать. Когда полгода назад я обрезала волосы выше плеч и сделала себе качественный флис типа «полгода в Гоа» (не путать с бэби-лайтсом «прощай молодость»), от прежней Саши ничего не осталось. И получилось очень. Ну просто очень-очень. Начали звать на кастинги, съемки и в путешествия — патриархат конкретно навел на меня свой хлюпающий телескоп. Что уж врать, такое всегда приятно. Даже когда не слишком любишь этот самый патриархат.

Надо всегда помнить, сестра, что физическая привлекательность — оружие в нашей борьбе. Шучу. А может, и нет.

Я, к сожалению, не лесбиянка. Вернее, не полная лесбиянка. Вернее, как сказал Веничка Ерофеев, полная, но не окончательная. Пробовала, пыталась, но увы — уйти в это направление всем своим существом не смогла. Я говорю «к сожалению», потому что это решило бы многие морально-межличностные проблемы и было бы куда эстетичней физически. Но я, что называется, *straight as a rail*.

Я имею в виду отечественные рельсы, конечно. То есть я *straight* процентов на семьдесят. Или на шестьдесят пять.

Мальчики. Много о них не скажешь, но пару строк они заслуживают. У меня не очень складывается с мальчиками надолго. И если не считать одного исключения, «гудбай» говорю я.

Нет, я им нравлюсь, за мной бегают, дарят цветы и так далее. Но потом, когда начинается, как выражается моя мама, «совместное ведение хаоса», мне быстро надоедает. Как сказала по этому поводу Рысь, секрет стабильных отношений с мужчиной в том, чтобы успеть проникнуться к нему пронзительной бабьей жалостью до того, как он начнет вызывать тяжелое бытовое омерзение. Она успевает, а я нет.

Мужчина, по-моему, способен на вежливость и заботу только на своем гормональном пике — стоит ему пару раз стравить давление, и в нем неизбежно просыпается свинья. Воспитанный самец просто лучше и дольше маскирует свою хрюшу, но это симпатичное животное всегда на месте.

Один сильно взрослый человек сказал мне в свое время интересную вещь: мужчина платит не за секс. Мужчина платит за то, чтобы после секса женщина быстро оделась и ушла. Вынесем шовинизм за скобки этой тестостероновой мудрости — и получим, увы, голую правду.

Если воспользоваться канцеляризмом из отечественного учения об эросе, мужчина способен на нежность, интерес и тепло только как

на «предварительную ласку». Это так и есть — любая девочка с мозгами, подумав пять минут, найдет сотню доказательств.

Все его милые проявления, в том числе дорогие подарки и даже внезапные букеты белых роз на твоё двадцатисемилетие, имеют строго предварительный характер. Не в том смысле, что он расчетливо калькулирует. Просто он делается романтичен, нежен и щедр, только когда его пробивает на стояк — и гипофиз, или что там у них болтается между ног, впрыскивает ему в череп струю надлежащих гормонов.

Мужская нежность — это такой буксирчик, курсирующий между буквами «Ы» и «У». Ты для него то остро необходимая дырочка, то слегка обременительная дурочка, своего рода сумка с кирпичами, к которой его привязывает порядочность или привычка.

В худшем случае на второй части циклограммы он хамит и наглеет, в лучшем делается снисходителен. Снис-хо-ди-те-лен, даже когда извилин у него ещё меньше, чем денег. Мурзик, ты ещё здесь? Вот тебе бантик, поиграй, только тихо.

Самое жуткое, что ты таким мурзиком и становишься, поскольку твоя природа совершенна и пластична — и, когда, уже окончательно демаскировавшись, он торчит перед

тобой как лом в дерьме (идеальное натурфилософское описание мужского начала), ты способна обволакивать и огибать этот самый лом сотнями разных способов.

Парень цикличен, как стиральная машина. Его личность, как правило — это плохо написанное программное обеспечение к небольшому члену. А ты спокойная, ровная, глубокая и постоянная (если вычесть три дня в месяц) — но ведь надо как-то уживаться рядом. Вот и играешь некоторое время с бантиком, а потом просто перестаешь отвечать, когда он звонит.

А он, кстати, еще и не звонит, потому что «корректирует баланс значимости», прослушав на ютубе фемофобную лекцию какого-нибудь смазливового знатока женских сердец, который все никак не решится открыть там же дополнительный лавхак-канал для геев.

Я обсуждала эти темы с Рысью, и здесь у нас полный консенсус. Только она считает, что в педофильском патриархате третьего мира женщина неизбежно должна мириться с храпящим рядом уродом, а я так не думаю — но у нас просто разные жизненные обстоятельства.

Мой нынешний, Антоша, считает себя музыкантом. Мало того, он вдобавок поэт и писатель. Правда, стихи он иногда пишет хорошие, но «поэт», по-моему — это не столько способность к рифмоплетству, сколько общий

вектор души. Антоша в этом смысле отчетливый прозаик. Я бы даже сказала, почвенник.

Он младше на пять лет, играет на басу в экзистенциальной бездне и заодно пишет ей тексты (я не шучу — они правда называются «Экбез», «эк» пишется синим, «без» красным, и на каждом концерте вокалист расшифровывает название).

Пишет он чуть лучше, чем играет. Последние полгода он занят тем, что сочиняет книгу по древнеяпонскому образцу — короткие прозаические отрывки с вмонтированными в них стихотворениями. *Моногатари*, как он выражается. Правда, стихи у него длиннее, чем у японцев, но иногда выходит мило.

Живет он то с родителями, то снимает. Встречаемся на моей территории — у меня замечательная студия-однушка, спасибо маме. Иногда оставляю его ночевать. Но не слишком часто, чтобы не привыкал.

Меня почему-то трогают его усы. Они у него полудетские, еще мягкие и не до конца даже темные.

Он постоянно пытается поставить мне свою музыку — а я прошу его не пихать меня с экзистенциального обрыва. Один раз я все-таки сходила к нему на концерт, там было много разных групп, у «Экбеза» один номер. Они спели что-то такое про «трахи под спидами» — и я

сначала подумала, это про болезнь. Типа как у Земфиры — «у тебя спид, и значит мы ага».

Он разъяснил потом, и даже показал. Он, кстати, постоянно пытается меня накурить, нанюхать или натаблетить. Пытался уколоть, но получил по мозгам. А этот его знаменитый «трах под спидами», по-моему, технически возможен только между двумя женщинами — по результатам наших экспериментов могу сказать, что мужская писька превращается под ними в мягкую шелковистую тряпочку, которой хорошо протирать очки или полировать ложки.

Правда, кое-чему полезному он меня научил. Например, вставлять во всякие статусы, письма и даже в эти вот записки фразу «*эмодзи_требуемый_текст).png.*»

Это вербальное описание картинки-эмодзи в формате «.png», как бы обдувающее читателя смрадным ветром Кремниевой пустыни. Своего рода подпольное сопротивление мэйнстриму. Мне этот прикол безумно нравится, я им постоянно злоупотребляю и собираюсь злоупотреблять и дальше.

Антоша еще не знает, но мы с ним скоро расстанемся — из-за его наркотиков и вообще.

Как намекал евангелист, каждая девушка, смотрящая на своего мужика изучающим взглядом, уже разошлась с ним в сердце своем.

Антоше нужна не подруга, а новая мама, и он, по-моему, считает, что уже ее нашел. Полезный для меня опыт.

Понимаешь, как это бывает — родить вот такого малыша, а потом всю жизнь на него горбатиться и думать, куда бы его пристроить. И при этом, что самое страшное, его любить.

Нет, я Антошу тоже в принципе люблю. Мое сердце даже на холостых оборотах дает небольшой позитивный выхлоп, и тот, кто под него попадает, будет вполне себе любим — но временно и быстрозаменимо, как покрывало. А мама своего оболтуса будет любить уже не так. Вот где роковая смертельная страсть, которая перевернет жизнь и опалит всю душу.

До Антоши был Петя. Старше меня на два года, фанатический качок. Тоже, кстати, наркоман — только сидел не на спиде, а на гормонах и анаболиках, и еще непонятно, что для здоровья хуже. Бытовые наркотики Петя ненавидел и даже зачитал мне однажды цитату из монументального труда Арнольда Шварценеггера про культуризм:

Если некоторые люди все еще думают, что марихуана, амфетамины или кокаин помогут им развить выдающуюся мускулатуру, а тем более стать чемпионами, то они живут в мире иллюзий.

Записать большими буквами и повесить на стену. Мне жутко нравится эта фраза. Все забываю Антоше сказать, а потом поздно будет.

Кстати, если некоторые девочки все еще думают, что большой супернакачанный самец как-то особо интересен в качестве любовника, то они живут в мире иллюзий. Все зависит от того, когда он колет себе тестостерон, потому что свой у него давно подавлен. Надо знать его расписание и схему. Мужики цикличны, а качки вдвойне. Правда, Петя часто брал реванш языком — второй непарной мышцей, которую он не упражнял в зале. Она у него работала значительно лучше первой.

Я что-то слишком часто упоминаю эту первую мышцу — может сложиться впечатление, что я много о ней думаю и вообще как-то от нее экзистенциально завишу. Совсем не так. До Пети у меня была Маша, и там эта мышца отсутствовала. И ни разу, повторяю, ни разу я о ней не всплакнула.

С девочками возникает другая проблема. Мужик — это все-таки *чужой* (слово *охотник* — неправильный устаревший перевод, на охоту он будет посылать тебя). С чужим держишь дистанцию, а дистанция рождает напряжение и интерес. Поэтому с мужиком можно строить отношения, то есть быть доброй или злой, хи-

трить, кокетничать, продавливать свою линию или мягко уступать. Иногда это доставляет.

А когда две девочки (я не говорю про тот случай, когда одна из них в душе полностью мальчик) находятся в близких отношениях, через некоторое время они начинают понимать и чувствовать друг друга настолько хорошо, что общаются практически без слов, телепатически. Во всяком случае, так оба раза было у меня. Через год после начала нашей нежной дружбы мы с Машей вообще уже не разговаривали — только перекидывались быстрыми междометиями, а иногда и просто взглядами. Этого хватало.

И начинаешь уставать уже вот именно от этого — что у тебя больше нет своего обособленного внутреннего пространства, а есть одно общее на двоих. В какой-то момент это становится невыносимо. Так тебя не достанет ни один мужик, потому что он и за десять лет не подберется к тебе настолько близко, и в самом тревожном случае будет пьяно мурлыкать, разыскивая тебя под ближайшим фонарем — там, где ему светлее. А девочка знает, где ты находишься, с точностью до микрона.

Вот поэтому я и говорю, что лесби — это не совсем мое, хотя секс в таких отношениях куда интереснее, дольше, нежнее, космичнее и т. д. — нужно подчеркнуть. Я бы ввела золотое правило: после каждого двух мальчиков

одна девочка для реабилитации, только ненадолго. Не больше полугода.

До Маши был Егор — даже не хочу его вспоминать. Начинаящий «политолог» с вечным пивом. Которое он к тому же называл «пивандрий» — раз услышав, невозможно забыть это слово никогда. Как низко можно пасть. Я не про него, а про себя — для него это был взлет к вершинам. До Егора — Коля, он был ничего, но уехал к хитрым и не до конца честным родителям-белорусам в Израиль.

До Коли — Дима, и параллельно с ним Лена, с которой мы тоже за неделю стали телепатками. Тогда все были еще такие молодые, что профессий ни у кого не было. А перед этим случился мой азиатский трип со всеми надлежащими приключениями, а еще раньше простирается радио-активная пустыня юности, практически детство, где не бывает «партнеров», а только совместное исследование сигарет, алкоголя, наркотиков и физической телесности, своей и чужой.

В общем, даже покаяться не в чем.

Хоть мне уже тридцатник, кормят меня на пятьдесят процентов родители. Кое-что я зарабатываю сама «от-кутюром» (шью по мелочам — и неплохо продаю в интернет-магазинах, особенно хорошо берут дрим-кетчеры), иногда платят за «театральную деятельность» (участвую сразу в двух труппах, выступаем на всяких дет-

ских праздниках, днях города и так далее). Один раз заплатили за бэк-вокал на студийной записи. Я мечтала петь, но пою я плохо. Мне потребовалась серьезная психологическая помощь, чтобы окончательно это признать. Но мир не без добрых людей, спасибо.

Как подытожил мой папа, «без определенных занятий».

Ну да, можно сказать и так. Но я думаю, что довольно скоро смогу поднять свои доходы до вполне приемлемого уровня на одной из тех дорожек, по которым сейчас бегу. Если бы обстоятельства были жестче, нашла бы способ и раньше, но у моих родителей с деньгами все хорошо, и помогать мне для них не составляет труда. Вернее, хорошо у папы, а поэтому не плохо и у нас с мамой, хотя она уже не с ним, а я уже не с ней.

Мой папа — макаронный король. Вернее, не король, а герцог или граф. Король у них кто-то другой — он говорил, я не запомнила. Но у папы свои хлебкомбинаты, мукомольные фабрики и так далее, список довольно длинный.

Начинал он действительно с макарон, хотя теперь инвестирует и в металлургию, и в гостиничный бизнес, и еще куда-то. Сколько у него денег, я не знаю — в этих сферах деньги не имеют, в них как бы драпируются. Или купаются, постоянно делая вид, что ныряют крайне

глубоко, хотя на самом деле могут ползти по гальке на брюхе.

Недавно он что-то потерял в Украине, но зато приобрел на Бразилии. У него другая семья, новые дети — и мы с мамой, как выражаются в деловых кругах, *are not an asset, but a liability*¹. Я его редко вижу — от моего имени его доит мама, у которой тоже другая семья и другие дети. В общем, до меня долетают даже не брызги шампанского, а запахи чужой отрыжки — но я не ропщу и очень надеюсь, что скоро смогу обходиться и без этого.

Хотела написать про родителей еще, но не буду, наверно. Спасибо им за все, многие лета и вечная память. Чудовищное преступление моего рождения на этот свет я им почти уже простила.

Эмодзи_привлекательной_блондинки_только_что_открывшей_свое_большое_и_доброе_сердце_совершенно_незнакомым_людям.png

✱

Нарисовался папочка — видно, почувствовал, что я вспоминала про его макароны. Даже приехал ко мне домой. Я сперва не могла понять, чего это вдруг, пока он сам не сказал — тридцатник. Ну да, юбилей.

¹ Не актив, а обязательство.

Раньше он моих дней рождения не замечал. Но ведь российский бизнесмен интересуется главным образом нулями справа от цифры. Нулей долго не было.

— Это чьи картины? — спросил он с порога. — Здоровые какие. Твои?

— Это не картины, — ответила я. — Декорации для спектакля. Я над ними работаю.

— Как вы их переносите?

— Они складываются.

— Лопухи какие-то...

— Это трава забвения, — сказала я.

— Зачем?

— Для балета.

— Какого балета?

— «Кот Шредингера и бабочка Чжуан-Цзы в зарослях Травы Забвения». Весь второй акт кот ловит бабочку. Это для второго акта.

— Ты же певица, — сказал он. — Или теперь художница?

— Я актриса тоже. Я танцую запасную бабочку. И либретто частично писала. Мы все сами делаем.

— А почему вся комната в тряпках? Костюмы шьешь?

— Нет. То есть да, но не только. Это еще на продажу.

— Тебе что, денег мало? Мама же на тебя берет.

— Мне нормально, — ответила я. — Просто я шить люблю. Могу тебе тоже пальтишко сделать, как у Чичваркина. Придешь в таком к партийному руководству на блины, а через неделю мирно переедешь с семьей в Лондон. Хочешь?

Он погрозил мне пальцем. Потом покачал головой, вздохнул, и еще раз погрозил. Видимо, я задела какие-то струны.

— Тебя, по-моему, засосало, — сказал он. — Причем в какое-то мелкое болото. Тебе развеяться надо. Забыть про все вот это. Тряпки, декорации. Мир посмотри, пока еще можно. Пусть голова у тебя проветрится. Может, что получше себе найдешь.

— Типа секретарем в бизнес?

— Почему секретарем. Ты свободно знаешь язык, можешь нормально за границей работать. Ты же любишь Азию. Вот в Индии, например. Там сейчас будут возможности. По-английски много где говорят.

— Мне нравится руками что-то делать, — сказала я. — Ну или телом. Не в том смысле, конечно. А голову я бы хотела сохранить для себя.

— Для глубоких размышлений о жизни? — спросил он с сарказмом.

— Ну вроде того.

— Деточка, о жизни нельзя размышлять, сидя от нее в стороне. Жизнь — это то, что ты

делаешь с миром, а мир делает с тобой. Типа как секс. А если ты отходишь в сторону и начинаешь про это думать, исчезает сам предмет размышлений. На месте жизни остается пустота. Вот поэтому все эти созерцатели, которые у стены на жопе сидят, про пустоту и говорят. У них просто жизнь иссякла — а они считают, что все про нее поняли. Про жизнь бесполезно думать. Жизнь можно только жить.

Он, кстати, совсем не дурак, и иногда задвигает такие вещи, что я даже не понимаю, как он от них возвращается к своим макаронам. Вот сейчас например. Скажи это какой-нибудь индус на сатсанге, две недели все вспоминали бы и кричали. Нет пророка в своем отечестве.

— Думать, папа, тоже означает жить, — ответила я. — А если отойти от мира в сторону, даже думать не обязательно. Можно вообще ничего не думать и ничего при этом не делать. Тоже будет жизнь, просто другая. Не такая как у тебя.

— Ага. Такая, как у тебя.

Я улыбнулась. Но не потому, что он попал в точку, а потому, что вдруг вспомнила своего Антошу. Однажды во время долгой галюциногенной сессии он произнес замечательную фразу:

«Мне вообще не важно, чем заниматься, лишь бы с кровати не вставать...»

Слышал бы папочка.

— Я делаю, и довольно много, — ответила я.

И показала ему свои перепачканные красками руки. Один палец у меня был порезан и замотан пластырем.

— Делаешь, — вздохнул он. — Но не то. Ладно, ты уже большая, чего я тебе голову чинить буду. Я тебе подарок хочу сделать.

— Какой?

— Путешествие.

Я сперва не поняла.

— Путешествие?

— Я же сказал, езжай проветри голову. Я тебе денег дам.

— Куда?

— Куда хочешь. Условие только одно. Все деньги, которые я тебе дам, ты тратишь на путешествие. Никаких декораций, театрально-швейных проектов и так далее. Согласна?

— Я путешествую где хочу?

— Да. Но не по общежитиям для наркоманов, а по нормальным маршрутам. Пять звездочек, в крайнем случае четыре. Посмотри на обеспеченный мир. Возможно, захочешь стать его частью.

— И сколько ты мне дашь?

— Тридцать. По штуке за каждый прожитый год.

— Долларов? — спросила я.

— Евро, — улыбнулся он. — На пару месяцев точно хватит. Если будешь экономить, то на полгода. Но я как раз не хочу, чтобы ты экономила. Я хочу чтобы ты слезла с уродливой кочки, на которой сидишь, и про нее забыла. А приедешь, будем брать тебя за ум ежовыми рукавицами...

Я, конечно, согласилась. Не на ежовые рукавицы, а на поездку.

Дело в том, что я знала, куда поеду.

Я думала об этом последние пять лет.

Это был мой шанс *тряхнуть бусами*. Вернее, одной очень интересной бусиной, может быть, самой красивой и загадочной во всем моем ожерелье. Бусиной, про которую кроме меня не знал никто.

Сейчас объясню, про что я.

Политолог Егор, любивший когда-то меня и *пивандрий* (его, я уверена, он любит до сих пор), обожал издеваться над моими духовными, как он выражался, метаниями. Особенно когда нам уже становилось понемногу ясно, что скоро он останется с пивандрием наедине.

— Вот посмотри на себя. Ты каждый день делаешь йогу на коврике, как будто молишься. Моталась в Индии по каким-то мутным ашрамам. Регулярно делаешь вид, что медитируешь, и тогда рядом с тобой даже половицей нельзя скрипнуть. Читаешь разное эзотерическое

фуфло, на котором умные люди зарабатывают. Ты хоть понимаешь, что это все такое?

— Что? — спросила я.

— Бусы! — поднял он палец. — Это просто твои бусы. Виртуальная связка духовных сокровищ, которую ты предъявишь своему благоверному вместо приданого в обмен на...

Тут он замялся, потому что для его сарказма резко кончилось топливо. Но мысль, конечно, была занятная — и в определенном смысле верная.

Не в смысле приданого, конечно — это глупость. Если бы я была на месте Егора и хотела саму себя грамотно простебать, я развила бы эту мысль примерно так:

— Вот, Саша, ты прихорашиваешься по утрам перед зеркалом. Иногда довольно долго. Бывает?

— И что? — спросила бы я.

— Но ты наводишь на себя марафет не только перед физическим зеркалом. Ты, как и любая другая продвинутая девушка, собираешь коллекцию всего самого крутого, красивого, няшного и звонкого, что только может предложить окружающая тебя реальность, и украшаешь себя этим. Делаешь как бы такое ожерелье из офигенских камушков, которые тебе попадают. Один камушек — йога. Другой — анапана. Третий — какое-нибудь там

холотропное дыхание. Четвертый — адвайта. Книжки. Подкасты. Музыка. Ты собираешь это все на свою нитку, потому что хочешь быть самым красивым цветочком... А почему ты хочешь быть самым красивым цветочком? Для кого?

И цветочек точно покраснел бы — и не нашелся бы сразу, что ответить.

Но сейчас я уже знаю. Мне кажется, что стремление стать «красивым цветочком» — это такой же закон природы, как тяготение. Красота — одно из названий совершенства. Искать в этом что-то низкое могут только низкие люди. Мы прихорашиваемся перед зеркалом не потому, что хотим привлечь самца — сказать так может только кретин.

Природа женщины — быть прекрасной. Мне хочется нравиться в первую очередь себе. И если мое отражение в зеркале устраивает меня самому, то с самцом проблем не будет точно.

То же касается и культурно-духовной бижутерии, тут Егор был прав. Но и в этом нет ничего постыдного.

Мы, женщины (и мужчины тоже) так цветем. Мы находим свои лепестки в окружающем нас мире — и украшаем себя самым лучшим из того, что эпоха смогла нам предложить. Совсем не обязательно с целью привлечь кого-то для размножения и дележа имущества,

хотя и это иногда тоже. Мы всего лишь выполняем свою функцию.

Цветы ведь тоже распускаются не для пчел. И не для поэтов. И даже не для себя. Они просто раскрываются миру, а вокруг бродят поэты, летают пчелы и ползают политологи Егоры. Цветок существует не для чего-то или кого-то конкретно, а для всего сразу. Разные умы проведут через него разные сечения, и каждый будет думать, что все понял. Поэтому к Егору претензий нет. Он цветет такими вот бурными смысловыми репьями, и где-то у него их даже покупают.

Мои метания, над которыми он издевался, действительно имели место. Причем я добавила бы, что в разное время я металась в разных направлениях и под разными углами.

Началось с йоги, и я до сих пор каждое утро делаю несколько любимых упражнений — «приветствие солнцу» и асаны вокруг. Я раньше фанатела от асан, потому что мне казалось, что вот оно: пара лет на коврике, и все тайны мира автоматически раскроются, проблемы отпадут, и наступит сияющая ясность. Она, увы, не наступила — но растяжка осталась.

Потом была анапана. Медитация на вдох-выдох. Роман с кончиком собственного носа. Завершился как и все мои романы — надоели друг другу, особенно он мне. Нет, все было нормально. Просто это... Как бы сказать...

Вот ты начала гладить утюгом штору, проходит день, два, неделя — а потом ты постепенно понимаешь, что эта штора тянется от тебя до луны, и прогладить ее всю следует минимум три раза. Этому надо подчинить жизнь, и то не факт, что будет результат. Причем, если сравнивать с другими вариантами на рынке, это еще короткий путь.

Потом были трансерфинг, майндфулнес, суфийский танец, дзогчен и что-то еще кратчайшее и окончательнейшее из тибетской лавки, забыла, как называется. Тоже повисло на ожерелье, сверкает и искрится до сих пор. Да, тусовочное знакомство. А разве в наших кратких городских жизнях бывает другое? Нет. Бывают только бусы. Только нитки, на которых висят разноцветные понты.

Если бы меня спросили, что я по всем этим вопросам сейчас думаю, я процитировала бы одного очень странного человека по имени Ганс-Фридрих, встреченного мною в Индии.

Он выразился примерно так:

— Человек — это загадка, не разгаданная еще никем. Ты родилась, живешь, взрослеешь — и постепенно видишь, что в существовании много непонятного. На самом деле — одна сплошная тайна. Но мир давно научился ловить таких как ты. Как только ты понимаешь природу загадки, вокруг тебя появляется сто

разных табличек с надписью «Окончательная Эксклюзивная Разгадка Всего За Смешные Деньги». Ты подходишь к одной из табличек. Там, если коротко, стоит лопата — и инструкция «копать сто лет». Ну или ждать сто лет, пока все спонтанно выкопается, только не забывать жертвовать на храм... Все эти таблички — тоже часть лабиринта, элементы мирового обмана. Они существуют не для того, чтобы открыть тебе глаза, а для того, чтобы глубже спрятать тайну. Уже навсегда спрятать. Пока ты ищешь сама, ты еще можешь что-то случайно найти. А когда ты повелась на одну из этих табличек, ты уже все как бы нашла. Ты получила лопату и место, где рыть, получила фотографию Мудрого Учителя, чтобы повесить над кроватью, и больше не можешь повторять свои детские «почему?» и «зачем?». Теперь надо копать, копать, копать, потому что тебе дали ответ. Тебя поймали в сачок, сестра...

Ну да, да. А люди без духовных интересов, они разве заняты чем-то другим? Вот мой папа. Он точно так же копает лопатой, только без всяких вопросов и ответов. Просто по денежно-макаронной части.

В конце концов, чем кончается любой успешный духовный поиск? Да тем, что человек говорит: «Ага!» — и дальше живет обычной человеческой жизнью из секунды в секунду, ни

на чем особо не залипая. Видит он точно так же, как прежде, слышит тоже, холодно и жарко ему по-прежнему (потому что по-другому с людьми не бывает), и даже думает он так же — только, может, реже и яснее. И умирает потом так же. Просто великих вопросов у него больше не остается. Так их и у моего папы нет. И в чем разница?

Знаменитый индийский святой Рамана Махарши ходил по земле, как все остальные. Папа тоже ходит по земле. Вернее, ездит по ней на «Бентли» (бизнес-необходимость). По небу летают исключительно в тибетском маркетинге.

«В том, чтобы летать, — сказал перед друбченом геше Напхай Вмешок, — ничего особенного нет...»

Ганса-Фридриха я встретила как раз в ашраме Раманы Махарши. Вернее, не в самом ашраме, а в гостинице для паломников возле Аруначалы. Мне было тогда двадцать пять лет.

Аруначала — это священная гора, где Рамана провел практически всю свою жизнь. Рамана действительно был нереально крут.

Вот, например, у махаянских буддистов, с которыми я много тусила по молодости, есть тема насчет «бодхисаттв». Если вы будете ходить на тибетское хоровое пение или так называемый «дзен», вас обязательно когда-нибудь ею пролечат.

Смысл в том, что «бодхисаттва» отказывается от окончательного просветления и берет торжественный обет перерождаться в мире страдания до тех пор, пока не спасется все живое.

Когда это объяснили Рамане Махарши, он ответил — «это примерно как сказать — я беру обет не просыпаться, пока не проснутся все те, кого я вижу во сне».

Меня это, помню, поразило. Я даже почитала потом немного на эту тему — оказывается, сам Будда Гаутама ничему подобному не учил, а придумали это сильно позже: такой душещипательный средневековый нью-эйдж, который почему-то тоже называли «учением Будды».

Ничего удивительного, что прижилось — под эту волюнку куда проще собирать донат. Нам ведь нравится слушать, что кто-то придет из вечности/бесконечности, чтобы нас спасти. А учения, не собирающие донат, долго не живут. Надо быть Раманой Махарши, чтобы одним ударом лопаты...

В общем, понятно, почему мне в двадцать пять лет захотелось съездить к нему в ашрам — и почему люди до сих пор туда ездят, хотя Рамана давно уже перестал видеть всех нас во сне.

*Эмодзи_привлекательной_блондинки_почти-
тельно_вешающей_над_кроватькой_фотографию_
загорелого_индусского_старичка_с_красивой_бе-
лой_щетинкой.png*

✱

Когда мы с Веркой (моя попутчица в Индии, больше мы толком не общались) ехали на Аруначалу, это был настоящий трип. Причем совсем не из-за веществ.

Сначала долго тянулась унылая сельскохозяйственная зона. Постепенно вокруг стали появляться такие очень своеобразные каменные горки, как бы насыпанные кем-то из огромных глыб (я поняла при их виде, откуда берутся сказки про великанов) — а потом машина затормозила на перекрестке, я повернула голову и чуть не поцеловалась с огромной белой буйволкой с погремушками на рогах. Причем рога были раскрашены в три цвета.

Телега на буйволиной тяге. Все как три тысячи лет назад. Только покрышек резиновых тогда не было... Хотя кто его на самом деле знает.

И после этого меня весь день уже не отпускало — словно из реальности я переехала в сказку.

Мы с подругой добрались до Аруначалы и вселились в гостиницу для паломников. Свободные номера были только на первом этаже; Верка завалилась спать, а я пошла погулять во двор. И увидела его. Этого немца.

То есть я потом уже узнала, что он немец, а тогда это был просто седой старикан с длин-

ными волосами, который сидел на табурете и внимательно глядел на горящую на полу свечу-плошку в алюминиевой оболочке — вроде тех, что продают в «Икее».

Окна и двери в гостинице выходили во двор. Когда в комнате на первом этаже открывали дверь, она превращалась в узкий альков, насквозь видный всем проходящим мимо.

Этот немец со своей свечой выглядел так странно, что я остановилась у двери и уставилась на него как баран. Как баранка, поправили бы меня боевые подруги — но здесь я не соглашусь, поскольку слово «баранка» намекает, что я пыталась заинтересовать его своей дырочкой. А такого не было совсем.

Через пару секунд он почувствовал, что я на него гляжу, поднял голову, кивнул — и сделал приглашающий жест: мол, заходи. И, самое главное, возле свечи стояла еще одна табуретка, словно он сидел перед открытой дверью, ожидая моего визита. Что-то в этом было нереальное. Как будто эта буйволка с перекрестка взяла меня своими мягкими губами и перенесла прямо сюда... Я вошла, почему-то прикрыла дверь и села на табурет напротив.

— Смотри на свечу, — сказал он по-английски.

Я уставилась на свечу.

— Ты веришь в знаменательные встречи? —

спросил он. — Способные перевернуть всю жизнь?

— Да, — ответила я. — Но лучше, когда обходится без полиции.

Он улыбнулся.

— Ты приехала на Аруначалу, потому что ищешь истину.

— Ну да, — согласилась я. — В некотором роде.

— Я расскажу про истину, — сказал он, — слушай внимательно и смотри на свечу...

И вот тогда-то я и услышала про таблички и лопаты. Он, правда, потом добавил кое-что еще.

— Проблема не в том, что истину нельзя найти, моя девочка. Проблема в том, что ее слишком много на рынке. Найти ее чересчур просто. Жизнь коротка, а прилавков, где торгуют этим продуктом, слишком много... Ты даже не успеешь обойти их все, какое там попробовать товар на вкус. Понимаешь?

— Так что же делать? — спросила я.

— Для начала надо понять, что истину нельзя узнать от людей.

— Почему?

— «Человек» и «истина» — это антонимы.

— В каком смысле?

— Каждый человек есть по своей природе вопрос. Вопиющий вопрос. Откуда же у него

возьмется ответ? Люди могут прятать эту свою вопросительность под разными мантиями, рясами и так далее — и раздавать другим великие окончательные учения. Но это просто бизнес.

— А что не бизнес?

— Бог, — улыбнулся он. — Если это и бизнес, то не с нами. Истину можно узнать только от бога.

— А как? Он что, с вами беседует?

— Да. И со мной, и с тобой. Со всеми.

— И когда вы с ним последний раз общались?

— Мы с ним общаемся прямо сейчас, — сказал он, — ты и я.

Тут я подумала, что он может быть банальным психом. Или, вернее, глубоко верующим человеком.

— И что он вам говорит?

— Что он говорит мне, совершенно не важно, — ответил он. — И даже тебя не касается. Важно, что он говорит тебе.

— Я ничего не слышу, — сказала я.

— Тебе так только кажется. Бог изъясняется не словами. Он шифрует свои послания. Но расшифровать их несложно.

— Вы знаете как?

Он кивнул.

— Хочешь, я ненадолго стану для тебя Раманой? Я объясню так, как сделал бы он, если бы жил в наше время.

Это было уже интересно.

— Окей, — сказала я. — Попробуем.

— Вот смотри. Мы сидим и глядим на свечу. Одновременно через твой ум проходит, сорри за эту дикую формулировку, поток сознания. Это, конечно, не поток, потому что сознание не жидкость — но так говорят. Ты не возражаешь, если я буду так выражаться?

— Кто я такая, чтобы спорить с Раманой?

Он засмеялся.

— Что это за поток? Посмотри сама. Ты что-то быстро думаешь, потом что-то слышишь, вспоминаешь и так далее. Чувствуешь сквозняк. Или замечаешь запах горящего фитиля. Все это смешано в особую комбинацию поочередно осознаваемого, существующую только в тебе. Уникальный поток переживаний и впечатлений, меняющийся каждый миг. Понимаешь?

— Понимаю, — ответила я. — Конечно.

— Этот поток, — сказал он, — и есть ты. Но это еще и бог. Смесь, сделанная из божественной души, перемешанной с материей.

— Материя — это тоже бог?

— Что-то вроде его ногтей или волос, скажем так. Твои ногти — это ты?

Я пожала плечами.

— Вот и тут то же самое. Бог, как вода, может находиться в разных состояниях. Он может знать, что он бог. Это пар. Может не знать, что он бог. Это лед. И еще он может быть тем,

что мы условно назвали потоком, жидкостью. Чем-то иногда понимающим свою природу, иногда нет. Как бы смесью.

— Допустим.

— Бог в своем всезнающем аспекте присутствует везде и проникает во все. Сквозь разные состояния и формы проходит единая нервная система, сейчас бы сказали — информационная сеть, пользоваться которой можно даже тогда, когда ты совсем не понимаешь своей природы и состоишь из одного только льда, как снеговик. Ты можешь задавать богу вопросы и получать от него ответы.

— Как?

— Он будет посылать тебе знаки. Своего рода личные шифrogramмы.

— Я не очень понимаю, — сказала я. — Как я буду их расшифровывать?

— Тебе не надо ничего расшифровывать. Сообщения зашифрованы только для других. Мгновенная конфигурация твоего сознания уникальна и меняется каждую секунду. О ней знают двое — ты и бог. И в какой-то момент из внешнего мира прилетает тихий голос: «Вот! Вот это!» Как бы стрелка, которая на что-то указывает. В этом и заключается сообщение: обрати внимание на то, что ты видишь, слышишь или думаешь прямо сейчас. Объяснять подробнее нет смысла. Понять надо на опыте.

Я кивнула. Потом без особого интереса подумала: «Может, правда?»

И тут огонек свечи качнулся. Легонько, как бывает от сквозняка. Я подняла глаза на немца. Он улыбался.

— Учти, — сказал он, — бог будет говорить только с тобой. Другие не увидят знаков, посланных тебе. А ты не увидишь того, что он сообщит другим. Ты понимаешь, о чем я?

— Да, — ответила я, — понимаю. Но как быть, если я не верю в бога? Вот совсем-совсем не верю?

— Ты в него веришь. Иначе ты не приехала бы на Аруначалу.

— Я лучше знаю, во что я верю.

— Хорошо, — сказал он, — во что ты веришь?

— Я верю... — я замялась. — Я считаю, что мы живем в виртуальной реальности. И еще я верю в единую одушевленную природу всего существующего. Только не надо меня спрашивать, как одно состыкуется с другим.

— Состыкуется просто, — ответил он. — Через бога. Ты видела у туристов такие фотопалки? На них крепится телефон или камера, и люди себя фотографируют.

— Да, — сказала я. — Штативы для селфи.

— Мы все работаем у бога штативами для селфи. Бог доверяет тебе видеть за него твой участок реальности. Как бы работать на специально выделенной грядке.

Меня стало уже утомлять такое частое повторение слова «бог». Ну сколько можно.

— Но почему вы называете это богом? — спросила я.

Он развел руками.

— Это слово популярно среди индийских святых. Можно говорить как угодно — «дух», «единая информационная сеть», «квантовый сознательный фактор» и как там еще. Все это просто надписи на табличках, под которыми стоят лопаты. Сколько ни рой, ничего не найдешь, кроме других табличек. Дело не в том, как мы это назовем. Дело в том, как мы этим воспользуемся.

— А как этим можно воспользоваться?

— Зависит от тебя, — ответил он. — Вернее, от бога в тебе. Ты сама не можешь ничего. Бог в тебе может все.

В этот момент огонек опять качнулся — и дверь открылась. На пороге стояла Верка.

— Ты здесь, — сказала она и кивнула немцу. — Я тебя уже обыскала, Саша. Могла бы предупредить...

На следующий день мы втроем поднялись на Аруначалу.

Сначала Верка не хотела идти. Небо было низким и серым, и мы боялись дождя. Но Ганс-Фридрих уверял, что дождя до вечера не будет и можно обойтись без местного гида, поскольку он знает дорогу сам.

По пути Ганс-Фридрих рассказал про себя. Он был ученым-микробиологом, потом стал бизнесменом, а теперь ушел на покой. «Пенсионер», вдумчиво перевела для себя Верка. Он считал себя последователем Раманы Махарши и приезжал на Аруначалу каждый год. Кроме этого, посещал ритриты Гоенки по ви-пассане, куда очень советовал съездить и нам. Он уверял, что одно никак не мешает другому.

— Восхождение на Аруначалу — совершенно особый опыт, — сказал он. — Смотрите внимательно по сторонам и старайтесь услышать, что это место хочет вам сообщить... Оно шепнет вам что-то важное, если вы настроитесь на его волну.

Мы пошли вверх — Ганс-Фридрих впереди, а мы сзади.

Вообще говоря, место поначалу не особо впечатляло. Не то чтобы прямо такая Гора-Гора с большой буквы — просто зеленый склон с каменными глыбами. Но было красиво.

По дороге Ганс-Фридрих ядовито и смешно издевался над индийскими гуру, торгующими «просветлением». По его словам, у слова «просветление» было два значения: «фьючерс» и «ролевая игра». Верка спросила, как это понимать.

— Участники рынка делятся на просветленных и ищущих просветления, — ответил Ганс-Фридрих. — Слова эти, разумеется, надо брать

в кавычки. Если вы «просветленный», то «просветление» — это фьючерс, который вы продаете другим участникам рынка. Одновременно это ваша ролевая игра. Если вы «ищущий просветления», то это тоже ваша ролевая игра, потому что после года работы с купленными ранее фьючерсами вы можете изображать просветление не хуже любого гуру — но этого не допускает ваша роль. У каждой из этих ролевых позиций свой язык и своя функция... Впрочем, не засоряйте голову, девочки. Смотрите лучше по сторонам. Где еще вы увидите такую красоту...

Виды и правда становились все зачетнее.

Вокруг нас поднимались горы в несколько цветов — ближе темные, дальше светлые, от коричневых до светло-голубых на горизонте. Помню, сразу две или три горы показались мне похожими на женскую титьку — с острой вершиной, сильно сдвинутой к правому краю.

Потом я заметила в земляной стене что-то типа маленькой норки всего в несколько сантиметров шириной — внутри росли ярко-белые грибы очень нежного вида.словно такая квартирка для гномиков. Выглядело их жильё хлипко и ненадежно, будто могло в любую секунду обрушиться, и я испытала все надлежащие ассоциации с человеческой жизнью.

Еще через пару минут мне попался красивый зеленый бронзовик с длинными-предлин-

ными лапками. Заметив, что я гляжу на него, он принялся вяло выбираться из поля моего внимания, и я оставила его в покое.

Потом нам повстречалась пара светло-серых обезьян — одна выглядела как положено обезьяне и стояла на всех четырех лапах. А другая — видимо, самец — ела банан. У этого самца была реальная мужская спортивная прическа, такой парикмахерский полуежик, и лицом он походил на хмурого, сознательного и понимающего свои права пролетария революционных лет. «Обезьянье сердце», сказал бы Булгаков, будь он индусом.

Если мир и пытался передать мне какое-то таинственное послание с помощью всех этих знаков (я, естественно, помнила о разговоре с Гансом-Фридрихом), то оно пролетело мимо и упало в заросли лопухов.

Потом я перестала думать о вчерашнем и начала просто глядеть по сторонам.

Чем выше мы поднимались, тем темнее становилось вокруг — верхушка горы была накрыта то ли туманом, то ли низкими облаками.

Это восхождение в сумрак действовало на меня вдохновляюще — я прониклась благоговением и стала воображать, что вошла под своды храма.

До того, как мы окончательно нырнули в туман, я действительно заметила далеко внизу храм, даже целый комплекс — прямоуголь-

ное поле, обнесенное серой стеной с четырьмя высокими пирамидальными башнями (они стояли не по углам, а в середине каждой из стен). В центре поля были две пирамидки поменьше. Мне показалось, что эта постройка не индийского, а какого-то мексиканского вида. Такой Теночтитлан.

Потом в тумане осталась только тропинка, а еще через несколько минут мы вышли на вершину Аруначалы.

Это был небольшой каменистый пятачок, заросший редкими кустами. В одном месте из земли торчал остриями вверх мощный металлический трезубец — знак Шивы.

Вокруг все-таки был не туман, а низкие дождевые облака, которые никак не решались стать дождем. Ганс-Фридрих сказал, что такое здесь бывает часто.

Я отошла от всех, встала недалеко от трезубца, на самом обрыве — и уставилась вниз. Видно ничего не было. Вернее, были видны клубы облачного пара, летящие на нашу гору. Они неслись ниже нас и над нами, со всех сторон. Примерно как в самолете, проходящем тучи при наборе высоты, только не так быстро.

Облачный пар был удивительно свежим и даже, я бы сказала, ароматным — мне помнилось, что он чуть отдает этой красной жвачкой, масалой с бетелем, запах которой то и дело

настигает на любой индийской улице. Только оттенок аромата был тоньше и свежее и не раздражал, а, наоборот, намекал на какую-то совершенно божественную свободу и радость.

— Уровень Шивы, — прошептала я не до конца понятную мне самой фразу, — уровень Шивы...

Сейчас я вспоминаю эту минуту и понимаю, что была в тот момент абсолютно, бесповоротно счастлива. Но тогда, конечно, я этого не понимала.

Вернее, понимала, но неправильно. Мне казалось, туман блаженства намекает на что-то ждущее меня впереди, как бы обещает счастье... А это оно и было.

Сегодня, с высоты своего тридцатника, я бы, наверно, сказала, что счастье — это и есть та секунда, когда ты веришь в возможность и осуществимость своего счастья, такая вот причудливая рекурсивная петля в нашем мозговом органчике. И ничего другого в зеркалах, среди которых мы блуждаем, наверно, нет.

В общем, это было потрясающе — и продолжалось долго, полчаса или больше. Я стояла над обрывом, глядела в теплый облачный туман, и скоро мне стало казаться, что он не серый, а нежно-лиловый, и это сам Шива несет сейчас на меня, касается меня, играет со мной и обещает мне что-то... Я почти уга-

дывала танцующую в облаках золотую фигурку бога... Ой, как он много обещал... Я даже в какой-то момент приревновала — это он всем так много обещает или только мне?

«Я хочу встретить тебя, танцующий бог, — вдохновенно и радостно думала я, — подойти к тебе так близко, как это возможно. Появись передо мной каким хочешь... Покажи, что ты умеешь... Пожалуйста, ну пожалуйста...»

Наверно, не надо было этого просить — затянувшееся чудо почти сразу кончилось. А еще через секунду Ганс-Фридрих потрогал меня за плечо. Я в двух словах рассказала о том, что со мной творилось.

— Что это было? — спросила я.

— Подарок, — ответил он. — Все, происходящее на Аруначале — подарок бога.

Я поглядела назад. Верка стояла в десятке метров от нас и не слушала, о чем мы говорим.

— Я не получила никаких знаков, — сказала я. — Никаких указаний. Мне просто было хорошо. Так хорошо, как я уже не помню когда...

— Лучше знака не бывает, — улыбнулся Ганс-Фридрих. — Ты пришла в гости к богу, и тебе было хорошо у него в гостях.

— Ну, если так истолковать...

— Не надо ничего истолковывать, — сказал он. — Просто замечай, что с тобой происходит. Бог говорит тихо, но очень внятно. Ты пришла

к нему в гости и приятно провела время. Я был бы доволен.

— Я тоже, — кивнула я. — Была...

Это прозвучало неожиданно грустно. Мне вдруг захотелось опять встать на обрыве и подставить лицо лиловому туману, и снова встретиться с Шивой (я успела уже много нафантазировать вокруг своего опыта) — но было понятно, что эту волну невыносимого счастья не вернуть и не подделать. Чудо кончилось.

— Нам пора вниз, — сказал Ганс-Фридрих. — Может начаться дождь. Но я хочу сообщить тебе одну вещь, пока мы не ушли с вершины — поскольку это особенное место и каждое произнесенное здесь слово очень много весит... То, что я тебе вчера говорил про знаки и указания — это путь. Особенный путь под личным руководством бога.

Я хотела повторить, что не верю в бога, но тут же вспомнила, как только что общалась с Шивой, и усмехнулась. Ганс-Фридрих заметил эту усмешку.

— Хорошо, — сказал он. — Назови как хочешь. Назови это тайной мира. Сердцем всего. Ты говорила, на тебя посмотрел Шива. Хочешь знать откуда?

Я пожала плечами. Потом кивнула.

— Ты можешь это сделать. Можешь туда пойти.

— Как? — спросила я.

— Доверься знакам. Научись их видеть, будь всегда начеку — и не пропусти своего шанса. Он обязательно у тебя будет. Все необходимое покажут тебе знаки. Это путешествие, которое опирается само на себя и не нуждается ни в чем другом.

— Спасибо, — сказала я. — А зачем вы мне это, собственно, рассказываете?

— Мне не так уж долго осталось жить, — ответил Ганс-Фридрих. — Просто хочется, чтобы волшебный секрет, которым я пользовался всю жизнь, достался кому-то в подарок. И ты мне кажешься отличным кандидатом.

— Почему?

— По той же причине. В мою комнату вчера мог не войти никто. Могла войти твоя подруга. Но вошла именно ты...

— Понятно, — сказала я. — Это типа такое посвящение?

Он улыбнулся, коснулся указательным пальцем своего лба, а потом моего.

— Теперь да. Секрет официально переходит к тебе. Ты знаешь все необходимое для предельного путешествия. Считай это подарком Шивы.

— Хорошо, — сказала я, — а когда начинать путешествие? В какой момент?

— Ты узнаешь. Честное слово, ты узнаешь

сама. Сейчас просто усвой все это. Запиши в уголке памяти — и на время забудь. Никому про это не говори и не бери попутчиков или попутчиц. Туда нельзя поехать с подругой. Предельное путешествие — это личное путешествие.

Обратный путь оказался страшноватым — и на время заслони́л для меня все прочие впечатления. Мы убегали от надвигающегося дождя, и Ганс-Фридрих вел нас по другой дороге — мы вообще не шли, а прыгали по кочкам и камням, зигзагами сбегая вниз. Несколько раз я думала, что обязательно сломаю шею во время этих прыжков. Потом решила, что мы заблудились и уже не выберемся из зарослей. Оба раза я успела сильно разозлиться на Ганса-Фридриха, и мне даже неловко было за мирские чувства на священной горе. Но все обошлось.

Интересно, что дождь, от которого мы убегали, так и не пролился. Зато вечером я оставила свои сандалеты на улице, ночью начался ливень, и их размочило до полной непригодности.

Утром Ганс-Фридрих сдержанно попрощался с нами и уехал. Я не взяла у него телефон или почту.

Мы с Веркой еще пару дней походили по ашраму, купили благовоний и музыкальных кассет с бхаджанами (это такие религиоз-

ные гимны), просидели в многозначительном молчании несколько часов в пустой комнате с большим портретом Раманы, и уехали тоже.

Эмодзи_красивой_блондинки_со_светлой_грустью_вспоминающей_как_это_бывает_в_Индии_когда_тебе_двадцать_пять_лет_а_в_небе_танцует_шива_и_все_еще_впереди.png

*

Я думала потом про этот разговор и даже читала кое-что по теме. Не то чтобы специально искала — просто, когда попадалась резонирующая информация, вспоминала про Ганса-Фридриха.

Например, я где-то вычитала, что императорское имя «Август» происходит от гадания по полету птиц. У римлян были специальные жрецы — авгуры — наблюдавшие за ними. Они отмечали, что это за птицы, в каком направлении летят, какие издают звуки и так далее.

Наверно, я этим заинтересовалась из-за своей фамилии — Саша Орлова должна разбираться в таких вещах. Но у нас, увы, подобная практика не работает.

Вернее, лучше б не работала. А так все необходимое есть: смотришь на мокрых голубей вокруг помойки или там на воробьев, дерущихся за кусочек дерьма, и примерно понимаешь, как оно пойдет дальше. И так именно все и происходит — птицы не обманывают.

Еще оказалось, что слово «инаугурация» — тоже от этого корня и означает буквально «получение знаков от птиц». Понятно. Выбирают президента, собираются на большой площади — а потом сверху пролетает звено истребителей, и всем сразу все ясно.

Но это коллективное групповое гадание. Не совсем тот индивидуальный метод, про который говорил Ганс-Фридрих.

Что делал римлянин, чтобы получить знак от птиц? Он надевал свою лучшую тогу, лез на крышу, совершал возлияние вином, воскурял ладан — не знаю точно, как они оформляли свою пуджу — и смотрел в небо.

Допустим, появлялся орел и кругами набирал высоту. Потом с карканьем проносилась пара ворон. А затем — стая каких-нибудь перелетных журавлей.

Римлянин сверялся со своими авгурическими таблицами (наверняка такие были) и записывал выводы:

Перспективы продвижения Четвертого Легиона в Германию выглядят благоприятными, но следует избегать движения по прямой линии. Возможны попытки народных трибунов воспрепятствовать финансированию военной кампании, разжигая распри и споры. Следует готовиться к пограничным столкновениям с отрядами переселяющихся племен...

Ну или что-нибудь в этом роде.

Метод Ганса-Фридриха сильно отличался. Не надо было подниматься на крышу. Надо было следить за процессом в своем собственном сознании, одновременно замечая происходящее вокруг. И если, например, ты думала про пиццу «четыре сыра» (и рефлекторно сглаживала слюну), а на подоконник в этот момент садился толстый голубь, то можно было спокойно эту пиццу заказывать...

Или, наоборот, ни в коем случае не заказывать, если голубь реально толстый.

То есть выходило, что интерпретация все равно играет определяющую роль. С одной стороны, это мне нравилось. С другой, зачем тогда вообще нужен голубь на подоконнике, если и без него вечная экзистенциальная дилемма... вернее, бездна... и т. д., и т. п.

Зря я не расспросила Ганса-Фридриха подробнее. Хотя, с другой стороны, он говорил, что метод нащупывается опытным путем и дополнительная информация только повредит.

Я, кстати, попыталась нагуглить самого Ганса-Фридриха вместе с Аруначалой. Если он действительно часто туда ездил, в сети могли остаться какие-то следы. Может, он уже посвящал других в эту мистерию — и я найду новые детали... Но ни его фотографии, ни информации о нем я не обнаружила.

Зато в одном англоязычном блоге мне попала вот такая заметка:

«Есть легенда, что господь Шива много раз появлялся в окрестностях Аруначалы, давая учение паломникам из разных стран и культур. Он назывался многими именами, всегда двойными: Жан-Поль, Иван-Владимир, Ганс-Фридрих, Хосе-Мария, Джон-Малькольм (чтобы перечислить несколько известных доподлинно). Вид его при этом был самым разным — от веселого рыжего бородача-бретера до седого старца, похожего на фортепьянного настройщика. В разных обличьях он давал искателям учения, строго соответствующие их уровню развития. Учения могли быть самого разного свойства — от навыков по управлению энергетическими каналами до тонкостей игры на ситаре...»

Тетка, которая это написала, снялась для аватарки в плавательных очках и декольтированном вечернем платье. Другие записи в ее блоге касались скорой энергетической агрессии Юпитера и бункера под Берлином, откуда тибетские бонпо аж с сорок третьего года управляют Германией. Дальше я читать не стала.

Моей первой мыслью было, что приколяется сам Ганс-Фридрих. Но на него это не слишком походило. Возможно, кто-то из его знакомых?

Или — сообразила я наконец — тетка в плавательных очках тоже повстречалась с ним под Аруначалой, зашла в его каморку на огонек, и он долго ей рассказывал, как правильно плавать под водой в вечернем платье. А потом она, впечатлившись чем-то из услышанного, сочинила эту сладкую сказку.

Других объяснений у меня не было. Я плохо представляла себе Шиву в образе Ивана-Владимира, поющего под гитару «Если друг оказался вдруг...»

С тех пор я много раз замечала то, что Ганс-Фридрих назвал «закодированными сообщениями» — как это происходит, в общем, со всеми нами, включая чокнутых зоорасистов, имеющих претензии к черным кошкам. Ни к каким серьезным изменениям в моей жизни это не привело. Так, мелочи. Рассталась с Егором на месяц раньше, чем могла бы...

Разница между секретом, раскрытым мне Гансом-Фридрихом, и мелким бытовым суеверием, так или иначе знакомым любому, заключалась в одном слове.

Путешествие.

Когда папаня сделал мне свой неожиданный подарок, никаких знамений его не сопровождало. Но я сразу — в ту же секунду — поняла, что я на эти деньги сделаю.

«Путешествие, которое опирается само на себя и не нуждается ни в чем другом...»

Любое путешествие надо начинать со сбора сумки.

Я, кстати, замечала много раз любопытную закономерность — вне зависимости от того, что я с собой беру и куда я еду, ровно половина вещей оказывается невостребованной. И это еще хороший показатель — у соратниц коэффициент в среднем составляет две трети. В смысле, две трети вещей так и не покидают сумку до возвращения домой.

Чтобы подобного не происходило, сбор сумки надо начинать с определения маршрута. Хотя бы первоначального.

Куда бы я хотела отправиться?

Я одновременно знала — и не знала.

Когда я стояла на вершине Аруначалы и прямо в лицо мне летели фиолетовые облака с личной печатью господи Шивы, я почти понимала откуда они приходят. Они неслись из центра всего, из самого источника мироздания — в тот момент это было очевидно. До источника можно было буквально достать рукой, следовало только чуть наклониться над обрывом...

И вот у меня появилась возможность действительно отправиться в путешествие, реальность которого была доказана в тот день моему сердцу.

Теперь предстояло внятно объяснить такую возможность уму, потому что без его помощи

разъезжать по физическому миру довольно сложно.

Ганс-Фридрих назвал это «путешествием к богу». И вот с этим у меня были определенные трудности.

Я уже говорила, что не верю в бога — в том смысле, в каком в него верят воцерковленные граждане: вот есть-де такой прописанный в Конституции грозный дух, интересы которого в нашей стране корпоративно представляет патриархия, не путать с патриархатом, хотя на той же поляне работают и другие эксклюзивные дилеры. Духа, что интересно, никто не видел, все видели только дилеров. Не имею ничего против такой бизнес-модели, но покупать у этих людей невидимый загробный «порше» мне при всем уважении к традициям неохота.

Всякое время выбирает свою истину, слышала я где-то. Вернее свою духовную моду — потому что истины там столько же, сколько было в брюках клеш или плиссированных юбках.

В одном веке носят индийское, в другом — японское и тибетское, в этом опять индийское, но немного другое. И если каждой русской комнате положен красный угол, дураку понятно, что в наше время он должен быть продвинутым на все девяносто градусов. Там должна приятно поблескивать соответствующая веяниям дня правильная статуэтка, под

которой уместно будет пить зеленый чай с соратниками по йоге и осознанности.

Когда я говорю «статуетка», я не имею в виду какую-то божественную сущность. Это вообще подход прошлого века. Сегодня мы верим главным образом в техники и методики, оставляя «окончательную истину» за скобками. Спорить о ней своего рода дурной тон — тереть друг о друга грандиозные слова, живя при этом на очень небольшие деньги, как-то безвкусно, что ли. Вот если бы люди узнали, во что на самом деле верит Уоррен Баффет или Джефф Безос, они бы туда вложились. Я имею в виду, душами.

Интересно, думала я, есть у моих продвинутых сверстников какой-то, так сказать, духовный консенсус? В общем, да. Такая смесь из разжеванной в кашу квантовой физики сознания, пастеризованных буддийских и индуистских практик, психоделического шаманизма-лайт и смутного «виаризма»: веры в то, что весь наш мир — это виртуалка, кровавая VR-игра для извращенцев из другой Вселенной. Вопрос о боге, таким образом, решать должны не мы, а создавшие виртуальную реальность космические извращенцы — с нас-то какой спрос, раз мы просто ихняя плэйстейшн.

Причем интересно, что подобная панорама реальности не вызревает самостоятельно в каждой отдельной голове, а транслируется

в уже готовой расфасовке через весь поглощаемый нами эртертейнмент. Мы считаем, что едим котлеты, а котлеты постепенно становятся нашим мозгом и думают вместо нас.

Кто кого поедает день за днем, вопрос сложный, и если некоторые люди все еще думают, что котлеты бывают отдельно от мух, то они живут в мире иллюзий. В двадцать первом веке котлеты делают исключительно из мушиной пасты.

Мы сегодня все такие — вместо того, чтобы инвестировать в носители типа религий или компакт-дисков, просто юзаем сервис типа «дизера» или «осознанности». Такой нетфликс духа, где все без исключения подписаны на индивидуальную избранность.

Мы ведь все сегодня избранные, разве нет?

Типичная уловка маркетологов — объяснить клиенту, что вот есть очень особенный клуб, или особый журнал, или крайне значительный режиссер, писатель или художник, пропихиваемый через совершенно особый журнал, и т. п. — и это не продукт маркетинга, а нечто такое, к чему сами маркетологи прикасаются с восторгом и трепетом, для собственного вдохновения и счастья: нездешний объект, спонтанно парящий над рыночной суетой, изумляя своим величием и наделяя высокой избранностью всех, готовых припасть к нему как к роднику...

Эх, как хотелось бы жить в мире, где такое бывает. Но достаточно отследить конкретную клаку (чтобы не сказать клоаку), создающую это психоделическое марево, и мираж исчезает. А отследить ее можно за три минуты, только лень — зачем? Бирка со словом «эксклюзив» — необходимое условие массовых продаж. Все предельно ясно и скучно. Со времен художника Дюшана светские родники духа неотличимы от писсуаров (Дюшан, кстати, мог бы выставить в качестве объекта искусства не писсуар, а биде — а то уж очень отстойно и патриархально).

И если я старательно изображаю сейчас высокую иронию (или цинизм — я не всегда понимаю, в чем разница), то просто потому, что все это тоже входит в правильный коктейль, составляемый для нас где-то там.

Мы действительно духовные дети твиттера и нетфликса.

«Ну а чьи дети твиттер и нетфликс, считать несложно», сказал в моей голове хмурый бас, и я засмеялась. Даже сосчитала буквы — если с пробелами, «твиттер и нетфликс» дает ровно восемнадцать. Три раза по шесть. Мемасик про число зверя я помню, и хоть в него, конечно, не верю — но цифр этих тем не менее побаиваюсь...

Нет, если серьезно, во что еще я верю? Хоть немножко?

Хороший вопрос.

Ну, допустим, в трансерфинг. Вернее, верила, когда была сильно моложе. Как выразился один умный мальчик в темных очках, встреченный мною на соответствующем семинаре (многозначительно представился Вадиком), «трансерфинг реальности есть квантовое сознание на службе омраченного эго».

Этот же Вадик, кстати, объяснил вот что: в силу известного квантового парадокса о влиянии наблюдателя на наблюдаемую систему, трансерфинг будет отлично работать, если про него знает один человек в мире, примерно в два раза хуже, если знают двое, и так далее. Он даже график нарисовал.

График я не запомнила, помню только итоговую мысль: когда трансерфинг начинают практиковать многодетные домохозяйки и интернет-надомники, а потом несколько тысяч человек собираются на подмосковный семинар, где вечером объективируют телочек и заправляются пивандрием, а утром благодарят среду и отпускают важность, это уже не трансерфинг реальности, а реальность трансерфинга.

В чем разница, спросила я. В том, объяснил Вадик, что «реальность» из первого словосочетания еще можно немного наклонить с помощью трансерфинга, а вот «реальность» из второго уже нет, потому что в силу засвеченности

метода она теперь коллективно трансерфнутая, запутанная со множеством нечистых вниманий, и для эффективной работы с ней нужен осознанный трансерфинг трансерфинга (типа «включить важность» и «обозлиться на среду»), который, опять-таки, будет отлично работать, пока про него знает один человек, и т. п.

Вадик как бы намекал, что этот человек он, поэтому с ним очень стоит переспать в духовных целях: реальный шанс стать ситхом номер два и получить доступ к темной стороне силы... Мог бы, кстати, попробовать свой «трансерфинг трансерфинга» на мне.

Стоп, так он ведь и пробовал, целых три вечера — внешнее намерение там отчетливо присутствовало. Но не срослось. Регулярно ходить в спортзал следует даже мастерам темных искусств. Особенно им.

В целом с трансерфингом у меня связаны хорошие воспоминания. Работает он на самом деле, или все гасит вышеописанный «эффект Вадика», я не знаю, но в юной городской жизни появляется вторая после мастурбации волнующая тайна, а это уже немало. Я бы даже сказала — очень-очень много, потому что подобная тайна сама по себе есть трансерфинг той реальности, которой нас ежедневно кормят укравшие мир большие ребята. В общем, спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство.

Во что еще я верю? Ну в деньги, конечно. Их и мастера трансерфинга уважают, хотя могли бы просто обосрать со своих квантово-сознательных вершин (или, как у них выражаются, «запутать с дерьмом» — хотя это когда-то уже проделал дедушка Зигги Фрейд.). В деньги верят вообще все, кто ходит по магазинам — в этом самая сердцевина научного мировоззрения. Эту тему мы деликатно пропустим.

Во что еще? В Господа Шиву? Он же посылал мне лиловые облака, верно? Да, тут вопрос посложнее. Я ведь натурально молилась ему на вершине Аруначалы. Но это совсем другое. Не то чтобы я в него верила или не верила — просто в силу культурной отдаленности он для меня скорее герой комикса, к которому можно иногда обратиться как к богу. Это не религия, а игра. Или игра с элементами религии — почему бы и нет...

Скажем так, Господа Шиву я всем сердцем люблю. Но не могу сказать, что всем сердцем в него верю. Кто любил, тот поймет. И эту тему мы тоже опустим — ом нама шивая, спасибо, что живая.

В бессмертие души? Смотря как это понимать. Если душа бессмертна, то какой ты будешь после смерти — трехлетней, двадцатилетней, сорокалетней? Или такой, какой была в момент смерти? Значит, если умрешь стару-

хой, у тебя будет старушечье бессмертие, а если ребенком — детское? Или там всех режут под одну гребенку? Или жизнь ничего не значит, и душа не меняется вообще? Непонятно. Надо уточнить вопрос у Шивы при личной встрече.

В общем, получается, я действительно не верю ни во что. Наша духовная подписка подразумевает, конечно, существование неких вечных истин, но мудро оставляет их в тумане.

Моя «духовная сфера» — это информационное облако с постоянно обновляющимся контентом, который, если разобраться, формирует за меня неизвестно кто. Но я уверена, что туда попадет только самое современное, модное и лучшее — как же иначе?

Глупо даже задавать вопрос, во что я верю. Я не верю, я подписана вместе со всеми продвинутыми молодыми индивидуумами. На что? На продвинутость. А в чем именно она заключается в данный момент, спрашивать надо не у меня а у маркета.

Но все-таки некоторые центральные кристаллизации в облаке моей духовности присутствуют. Вот, например, насчет того, что наш мир — это симуляция. Я и правда склоняюсь к такой мысли. Когда долго играешь в 3D-очках на хорошем разрешении, а потом снимаешь их и видишь все вот это, сразу же тянет снять и встроенные очки тоже. Но они, увы, наглухо вмонтированы в корпус.

Но кто тогда делает эту симуляцию? И для кого? И как? На это ответов в моем духовном нетфликсе нет. Там вообще нет никаких ответов — подписное облако их не любит именно по той причине, что любая окончательная истина сама по себе есть отдельный подписной сервис и прямой конкурент общей подписке.

Мир и мы все — это сновидение бога. Слышали? Я тоже слышала. Значит, спим дальше — раз боженька так хочет.

С другой стороны, некоторые ведь вроде просыпаются. И очень свое состояние хвалят. Значит, боженька и этого тоже иногда хочет? Или, как говорит Ганс-Фридрих, это просто ролевая игра? Запутаешься в этой запутанности.

Вот что могло бы стать хорошей целью для моего предельного путешествия: я хотела бы знать, откуда летели ко мне эти волшебные лиловые облака в тот день на Аруначале, когда главная тайна всего была близкой и доступной. Кто этот тоненький золотой силуэт, танцевавший в облаках? Кто генерирует мир — и зачем?

Шива, ты меня слышишь?

В общем, сложно даже определить направление поиска... Все смутно. Все очень смутно. И, главное, я не уверена, что знаю, чего на самом деле хочу.

Я задумалась, и в этот момент за окном каркнула ворона:

— Сказка! Сказка!

То есть, вполне может быть, ворона хотела сказать что-то другое, но я отчетливо различила в ее хриплом соло именно это слово. Повторенное целых два раза.

По моей спине прошла дрожь.

Эмодзи_привлекательной_блондинки_внезапно_понимающей_что_ее_волшебное_путешествие_только_что_началось.png

✱

Я знала, на что намекает ворона.

За несколько часов до этого я прыгала в интернете по ссылкам, уже позабыв, что, собственно, я начинала искать — и вдруг меня поразило название сказки, выскочившее на странице художественного каталога.

ПОЙДИ ТУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА, НАЙДИ
ТО, НЕ ЗНАЮ ЧТО

Это ведь и есть программа моего путешествия, подумала я. Проблема не только с тем, куда ехать, но и с тем, что там искать. Я посмеялась, дала себе слово обязательно найти эту сказку вечером, и тут же обо всем забыла.

А ворона мне напомнила.

Нет, все понятно. Я на самом деле не забыла, а просто переместила информацию в под-

сознательный буфер, а крик вороны сработал как триггер. Знаем. Ворона не подавала мне никаких знаков, она вообще беседовала не со мной, а с лисой из ФСБ, которая интересовалась оптовыми поставками пармезана из братской Белоруссии, и так далее. Объяснить все это, уничтожив элемент чудесного, несложно. Сложно пережить такое событие как чудо. А мне это удалось.

Ворона сказала — прочитай же наконец сказку, дура.

Я немедленно нашла ее в интернете и прочла.

В общем, один стрелец хотел убить птицу (опять птицу!). Она вместо этого стала его магической женой и заставила стрельца проходить волшебные испытания, мобилизовав себе в помощники тамошнего царя. Первые два испытания были так себе — путешествие на тот свет и ловля говорящего кота с помощью трех железных колпаков. Business as usual. А вот третье задание уже было серьезным — то самое «пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что».

«Не знаю куда» оказалось пространством за огненной рекой, куда героя перенесла разросшаяся лягушка, а «не знаю что» — некой сущностью по имени «сват Наум». Этот самый «сват Наум» только и ждал случая, чтобы покинуть прежнего хозяина, какого-то «мужичка

с ноготок, борода с локоток» (мне представился маленький вредный Че Гевара). Дальше «сват Наум» помог герою приобрести магическое оружие, попутно ограбив ни в чем не виноватых купцов (хейст был молчаливо одобрен народной душой), а дальше герой вернулся к своей волшебной жене, убил царя, занял его место и стал жить во дворце, тыкая штыком в картины и оправляясь в вазы.

В общем, весь Пропп и Кропоткин в одном флаконе. «Морфология русской освободительной сказки» плюс АУЕ и «Жизнь вора». Неудивительно, что с такими заложенными в сознание скриптами... Впрочем, без паники — современных деток уже благополучно перевели на трансгендерного Диснея.

Еще я подумала, что «сват Наум» был искаженным «Свят Наум» или «Свет На Ум». А неудачное убийство птицы с ее последующим превращением в магическую жену вообще приглашало в такие кудрявые аллеи народного ума, что без эскорта тяжеловооруженных феминисток я бы туда не сунулась.

В общем, сказка доставила, но в практическом смысле никаких выводов я не сделала. Прыжок на гигантской лягушке за огненную реку. Ну да, вспомним — и при случае повторим.

А дальше события стали развиваться стремительно.

Вечером ко мне заявился Антоша. Хорошо подкуренный и весь такой экзистенциальный. Он сообщил, что наконец создал нечто «вполне гениальное». Я приготовилась опять слушать его музю и умно кивать — но это, как оказалось, был текст.

Новый «японский отрывок», как он сообщил с характерным тетрагидроканнабинольным подхихикиванием.

— Хорошо, — сказала я, — оставь почитать.

— Нет, — ответил Антоша, — ты сейчас прочти. Прямо сейчас.

— Что, целиком?

— Там две странички всего...

И он протянул мне эти самые две странички, уже прилично захватанные пальцами — видно, весь день делился с соратниками.

Я стала читать.

ИВАН МОНОГАТАРИ

Сказка острова Шикотан

Принц Иван, пожилой мастер лука, вышел на крыльцо и пустил стрелу с раздвоенным накопечником к горизонту.

Через несколько дней люди в зеленом остановили его паланкин в лесу. На поляне перед паланкином сидела известная в тех местах лягушка-оборотень по имени Кусука-тян. Говорили, что когда-то она была супругой трех

сегунов и двенадцати дайме, но в этой ли жизни или прежде, никто не знал.

Лягушка-оборотень держала пущенную принцем стрелу острыми зубами, растущими в три ряда – и успела уже перекусить ее в нескольких местах.

Увидев принца Ивана, лягушка сказала:

– Скорей неси меня в замок, принц Иван! Ты поцелуешь меня, и я стану прекрасной принцессой!

Принц Иван улыбнулся краем рта, посмотрел ввысь, слегка натянул лук и молвил:

– Что есть красота?

– Как же так? – поразилась лягушка. – Ты колеблешься?

– Видишь ли, милая, – ответил принц Иван, – когда постигаешь природу пути, говорящих лягушек более незачем превращать в прекрасных принцесс... Да и кто я такой, чтобы вмешиваться в поток трансформаций?

И сделал слугам знак идти дальше.

Однако думать о встрече не перестал – и, вернувшись в замок, так сложил:

ПРОЗРЕВАЯ УДЕРЖАННОЕ

Двадцать лет с говорящей лягушкой.

Вонь шанели. Измены. Печаль.

Рим и Капри. Собачки. Подружки.

Маски. Позы. Последний причал.

Я шепну ей на лунной подушке:
«Как бессильны пустые слова
Передать то, что чувствуют души...»
И лягушка ответит мне: «Ква...»

А потом захрапит. Станет скучно.
Я скажу ей: «Послушай, ну ты,
Хочешь знать, что бывает с лягушкой
При падении с большой высоты?

Ты холодная липкая сволочь,
Дремлет смерть в твоей черной звезде,
Я швырну тебя в форточку, в полночь,
Чтоб ты квакала там в темноте!»

И лягушка испуганно встанет,
Утирая растянутый рот,
И исполнит свой мертвенный танец,
Вопросительно глядя вперед.

Я скажу ей: «Ну ладно, паскуда,
В уголке за помойным ведром
Оставайся, пожалуйста, покуда,
Мы еще разберемся потом.

А вообще-то прости меня, гада.
Я люблю, как ты смотришь в окно
На пурпурные тени заката.
Спи, пожалуйста. Мне все равно».

Но лягушка отпрыгнет под лавку,
Запыляет кострами фейсбук,
И психолог напишет ей справку,
Что она настрадалась от мук.

И попросит юриста лягушка
Все мое на нее записать,
Потому что я мял ее брюшко,
Регулярно мешая ей спать.

А потом я умру. И лягушка
Похоронит меня при луне.
И останется лишь комнатуха,
Где все будет, как раньше при мне...

Бросив кисть, надолго ушел в созерцание
сути. Затем велел переписать большими знака-
ми и удалился совершенствоваться в стрельбе.

А Кусуку-тян вскоре поймали крестьяне,
побили тятками и мотыгами и сожгли на рисо-
вом поле как ведьму.

Снизу был рисуночек — такие невинные цве-
точки-колокольчики, над ними бабочка, а под
землей — поджавший лапки скелет лягушки со
свалившейся короной и обломанной стрелой
во рту.

Нет, мне даже понравилось. С абстрактной
точки зрения совсем неплохо, некоторые тен-

денции и конкретные события нашего меркантильного века отражены точно. Более того, отдельные строки выдают дыхание пусть камерного, но таланта.

Но каким, прости господи, надо быть идиотом, чтобы принести такие вот колокольчики — вместо букета роз — своей девушке, которая в силу известных физиологических причин регулярно вынуждена принимать при интимном общении позу этой самой лягушки?

Он что, не понимает? Или понимает, и специально? Может, он себя принцем считает? Стрелком из небесного лука? И потом, что это за «все мое на нее записать»? Небольшой этот самый? Или у него что-то еще припрятано?

Я улыбнулась, чувствуя, как у меня внутри конденсируется холодная ярость. Я чувствовала себя большой умной змеей, которая готовится проглотить обнаглевшего кролика. И мне, стыдно признаться, это нравилось.

— Ничего, — сказала я. — Нормально. Особенно цветочки хорошенькие. Такие милые. Прямо вижу, как ты вырисовывал, высунув язык.

— Я знал, что тебе понравится. У тебя пожрать есть?

— Нет, — ответила я. — Пойдем поужинаем?

— Угощаешь?

Я кивнула.

— Вот это здорово, — сказал Антоша и чмокнул меня в щеку. — Как раз на манчиз пробило. Ничего, что я по-английски с вами разговариваю?

— Ничего.

— Только давай сначала перепихнемся побыстренькому, — сказал он и потерся о мою щеку своей. — Я где-то читал, полезно перед едой. Расслабляет гладкую мускулатуру.

Милый романтик.

— Ну давай, — согласилась я.

Мне не хотелось этим заниматься — но я, во-первых, уже знала, что мы делаем это в последний раз, а во-вторых, мне стало интересно, до каких объемов может разрастись во мне эта змеиная злоба и как долго я способна ее скрывать. Пришел, значит, к лягушке — перепихнуться и поесть... Зайчик. То есть нет, это вчера ты был зайчик. Сегодня, извини, ты уже кролик.

Во время quickie я даже постанывала от удовольствия — от сознания того, что я сегодня с этим кроликом сделаю, и от того, как я замечательно умею скрывать свои чувства.

Быть змеей довольно приятно. Гораздо приятнее, чем работать у патриархата лягушкой. Загляни Антоша в мою душу, и он бы навсегда изменил свое отношение к женскому оргазму.

На самом деле я так на него разозлилась, что вела себя куда темпераментней, чем обычно — и в конце он наградил меня мечтательным прерывистым вздохом и долгим поцелуем. Вот и хорошо, кролик. Будет, что вспомнить, когда мамочка уедет.

Через десять минут мы вышли из дома, выбрались из двора и пошли по улице. Тут было много много всяких кафешек и ресторанчиков. Сначала я действительно планировала угостить Антошу прощальным ужином, но угнетала необходимость долго говорить. И вообще что-то ему объяснять.

Все решилось самым неожиданным образом — вот прямо как в сказке.

Я имею в виду, буквально.

Я услышала песню из открытой двери одной кофейни — и разобрала вторую половину куплета.

...as a hot river swim
on the volcanic rim...

Дальше красиво вступил то ли саксофон, то ли синтезатор, но этих слов было достаточно — у меня в голове как будто зажгли лампочку.

Горячая река. Край вулкана.

Лягушка прыгала через что? Через огненную реку. Про лягушку все объяснил Антоша. А вот это река. Только что отзвучала.

Я остановилась. Антоша тоже остановился и вопросительно на меня поглядел.

— Значит, ужин будет такой, — сказала я. — Иди к другой лягушке и пусть тебя сегодня покормит она. Мне надо разобраться в своих чувствах... Не перебивай... Может быть, я тебе потом позвоню. Но не уверена. И давай ничего не будем обсуждать. У меня правда сейчас нет сил.

Он выпучил глаза. Такого он точно не ждал.

— А почему...

— Могу дать на ужин, — перебила я. — Надо?

— Нет, — ответил он, — спасибо.

В нем проснулась гордость. Вот и хорошо.

— Тогда пока. И не ходи за мной, ладно? Счастливой охоты на острове Шикотан...

Я поцеловала его в щеку, повернулась и вошла в кофейню, где только что играла песня про горячую реку.

Я не всегда действую так решительно. Но сегодня был особый случай. Это было как в телефонной игре: сложившийся в нужную комбинацию пазл вдруг зажигается сказочным золотым светом, освещает все вокруг, сгорает — и на экране появляется что-то другое.

Второе чудо подряд. Второе после того, как ворона напомнила мне про сказку.

Самое поразительное, что эти чудеса ничем не выделялись из обычного бытового потока событий — но совершенно точно были чудеса-

ми. Хотя доказать их чудесность кому-то другому — вот тому же Антоше — я вряд ли сумела бы.

Я спросила бармена, что у него играет.

— Флешка, — меланхолично ответил он.

Понятно. Я попросила перещелкнуться на два трека назад — и, когда опять заиграла песня про горячую реку, занюхала ее дизером.

Оказалось, это Ник Мейсон, барабанщик «Пинк Флойда» — его сольник аж восемьдесят первого лохматого года. Песня называлась «Hot River» и была правда хороша. Я тут же нашла в сети слова. Что-то про плавание по вулканической реке с туманными сексуальными коннотациями. Никаких внятных намеков в тексте не содержалось. Но это было неважно — лягушка уже взмыла над рекой. Оставалось понять, куда ей следует приземлиться.

Я оглядела кафешку. В углу ел пирожное с чаем военный курсант. В другом спорили за столиком у окна две тетушки. На стене была панорама большого города с храмом на холме.

Я повернулась к бармену, открыла рот для вопроса, но тут же поняла по его лицу, что самое время сделать заказ. Я опустила глаза на витрину.

— Можно мне... Это у вас чиз-кейк или с йогуртом?

— С черничным йогуртом.

— Дайте один, и чай. Зеленый есть?

— Есть.

Я расплатилась и подхватила блюдо со своим черничным кейком. Теперь можно было задавать дальнейшие вопросы.

— Простите, а что это за панорама?

— Стамбул, — улыбнулся бармен. — Если вы заметили, мы так называемся. Вон, видите — это святая София.

Я села за столик и с удовольствием съела свой кейк. Он был почти без излишков сахара, но все-таки чуть жирноват. Но это по-любому лучше, чем сахар. Чай мне тоже понравился — японская сенча.

Интересно. А вот если бы ворона сразу прокаркала «Стамбул»? А не «сказка»?

Дура, ответила я себе, во-первых, это не ворона прокаркала «сказка» — а ты узнала это слово в ее «кар-кар», потому что прочитала в сети про сказку. Слово «Стамбул» ты не слышала бы точно, потому что про Стамбул не думала. А во-вторых...

Если бы не сказка, ты бы до сих пор работала лягушкой у Антоши. Утирала, типа, растянутый рот.

Когда знаешь, куда ехать, сумку собирать проще, чем если не знаешь совсем. Золотыми буквами надо вписать этот афоризм в сокровищницу человеческой мудрости и повесить рядом с незабываемыми, вечными словами Арнольда Шварценеггера.

Что надо знать о поездке в Турцию?

Сейчас посмотрим. Так, виза не нужна. Войны с ними пока нет — лететь можно хоть завтра. Что бы мы делали без тебя, интернет — верно, бродили бы в тех же потемках, где наши бабушки...

Я позвонила в знакомую турфирму, и мне за пятнадцать минут организовали гостиницу на две недели, билет (в один конец, сказала я, куда дальше — решу на месте) и даже личного русско-язычного гида для ознакомления с древностями. Гид должен был встретить меня в аэропорту.

И не так чтобы очень дорого — справилась бы и без папочки. Во всяком случае, теоретически.

Эмодзи_привлекательной_блондинки_с_толстым_мешком_золота_в_руке_презрительно_разглядывающей_небольшой_затасканный_земной_шар.png

*

В Стамбуле было жарко.

Это было первым, что я заметила.

Вторым, что я заметила, был усатый изможденный турок, похожий на Фредди Меркьюри, победившего плоть постом и молитвой. В качестве доказательства своего духовного подвига он держал в руках табличку со словом «Александра».

— Меня зовут Мехмет, — сказал он по-русски. — Здравствуйте, Александра.

— Саша, — поправила я. — Здравствуйте. Вы мой гид?

Он кивнул.

— Машина нас ждет.

Машиной оказался серый «мерседес» — пожилой и, как это говорят про загорелых плеейбоев, хорошо состарившийся мерин. Шофер походил на свое авто. Он был сед и стар, но излучал хорошее настроение даже стриженным бычьим затылком.

— Я отвезу вас в гостиницу, — сказал Мехмет, — чтобы вы отдохнули от перелета.

Я хотела сказать, что не особо от него устала — но решила все же принять душ и переодеться под стамбульский климат.

Мехмет осторожно рассказывал местные политические новости (плохие люди мутят воду, не надо верить всему, что пишут — как будто сегодня кто-то чему-то еще верит), а я глядела в окно на притворившуюся Европой Азию.

Азия в наше время так хорошо притворяется Европой, что получается лучше, чем у самой Европы, которая в основном притворяется северной Африкой. Но многое в Азии не замазать никаким макияжем: оливковые тона, эта древняя пыль. Эти лица. Ну и политика, наверно — она ведь, если разобраться, всегда просто функция климата. Угнетенные солнцем. Не зря ведь Мехмет про это бубнит всю дорогу.

Со мной часто бывает, что какое-нибудь место в чужом городе вдруг кажется знакомым. Вот и здесь случилось то же самое: уже в центре Стамбула я выглянула из окна машины, и мне показалось, что мы в Москве — недалеко от Кремля, на одной из старых улиц. Это было странное и щемящее чувство. Словно я с детства знала наизусть все здешние кафешки и подворотни, где и прошла моя жизнь...

Но это была не та Москва, откуда я прилетела, а тот ее вариант, что видишь иногда во сне. Один из вариантов, скажем так. В этой другой Москве имелось подобие Большой Никитской, где на полдороге от Тверского бульвара к Кремлю стояла колонна Константина.

Я потом узнала, что когда-то эта колонна была покрыта золотом и торчала в центре огромной пустой площади, примерно как Адмиралтейский столп перед Зимним Дворцом. И когда турки взяли Константинополь, перепуганные жители собрались вокруг колонны в расчете на то, что их вот-вот спасет обещанный православным руководством ангел. О том, что с ними случилось дальше, история политкорректно умалчивает. Но ангел скорей всего не явился, иначе попы напоминали бы про это каждый день.

Гостиница мне понравилась. Она была в историческом центре. И даже ее архитектура

оказалась чисто стамбульской, в том смысле, что этих архитектур было сразу несколько.

Мы вошли в старый двор, приблизились к сложному пересечению геометрических форм, образованному налезавшими друг на друга стенами разных эпох и стилей (было даже непонятно, в какое из просвечивающих друг сквозь друга зданий мы входим), открыли тяжелую дверь — и вступили в коридор со спрятанными в зеркалах лампами, кондиционированным воздухом и приветливейшим усачом в белом мундире за стойкой. Это было похоже на спрятанную в бесформенных скалах пещеру из «Тысячи и одной ночи».

И еще на Айя-Софию, точно так же скрытую наросшими на ней архитектурными ракушками и полипами — я подумала это, увидев над ресепшеном картину с собором.

Айя-София — правда, не такая большая — была на стене и в московской кофейне «Стамбул». А в самом Стамбуле она встретила меня в гостинице. Если нужен новый знак, вот.

Я прямо у стойки договорилась с Мехметом о завтрашней экскурсии в собор и отпустила его. Приятно дать усатому тестостероновому мужчине десять евро на чай. Как будто снимаешься в прогрессивной рекламе кроссовок «New Balance». Я имею в виду новый баланс сил на планете.

Мой номер оказался маленьким (центр есть центр), но милым. На стене было большое зеркало, а в его середине — как бы окошко в тропический рай: далекий песчаный пляж, пальмы и набегающее море.

Вот оно, отражение твоей эксклюзивной души, как бы говорило заведение... И это просто замаскированный в зеркале телевизор, добавлял внутренний голос. Я такого еще не видела. Как-то уж слишком символично.

На самом деле я прилично устала, но решила, что все же прогуляюсь в сторону Айя-Софии. Завтра мне предстояло идти туда с гидом и «все понимать», а сегодня я хотела поглядеть на здание собственными наивными глазами. Знак есть знак.

Сколько я слышала про этот собор. А теперь до него пять минут пешком... Я приняла душ, надела длинное синее платье (сначала хотела надеть черное, но оно было коротким и выглядело немного неаскетично, скажем так — а я все-таки шла в храм), положила в сумку сложенную хлопчатобумажную косынку (на всякий случай) и вышла на улицу.

Выяснив направление, я поплыла сквозь вечерний Стамбул, но уже через несколько шагов поняла, что София подождет.

Мне жутко хотелось есть — и я села за первый попавшийся ресторанный столик на ули-

це. Через пять минут я уже увлеченно макала свежесдобитый лаваш в какой-то невероят-но вкусный местный дип.

У меня было странное чувство, что я не одна.

Понимаю, как это звучит, но я имею в виду не людей. Мне казалось, что в темном небе на-до мной раскрылось много-много глядящих на меня ван-гоговских глаз, и я с трудом удержи-валась от того, чтобы не подмигнуть им всем.

В общем, в собор я опоздала — и, поужи-нав, пошла в гостиницу.

Ночью мне снилось, будто я все еще иду в Софию. Я понимала иногда, что сплю, но тут же забывала. За всю дорогу я ни разу не уви-дела самого собора — сначала его заслоняли архитектурные кораллы, затем он навис прямо над головой невыразительной вертикальной стеной, а потом я была уже внутри.

Там было полутемно, горели свечи и пел далекий церковный хор (скорей всего, аудио-запись за алтарем, мудро подумала я во сне). Не зная, куда иду, я побрела вверх по узкому и слабо освещенному коридору. Чем выше я поднималась, тем светлее и холоднее стано-вилось вокруг, и это меня удивляло — холод-ный воздух должен опускаться вниз. Потом я вспомнила, что сплю и надо мной работает кондиционер. И опять забыла.

Впереди что-то сверкало.

Это была большая золотая птица — усеянный самоцветами и камнями павлин с огромным хвостом, похожим на траченный молью круглый шелковый ковер. Павлин был сделан очень искусно — и, хоть он нес на себе множество грубых отметин времени, я изумилась его красоте. А потом окончательно проснулась.

Некоторое время я лежала на спине, вспоминая свой сон. С золотой птицей все было ясно: я читала про механических павлинов, стоявших по бокам византийского трона — кажется, у Алексея Толстого в «Петре Первом» и где-то еще... Интересно, это тоже был знак? Или в Стамбуле просто снятся такие сны?

На следующее утро я позавтракала в гостинице, а потом меня встретил Мехмет. Я все-таки надела черное платье, и сразу почувствовала, что гид не одобряет мой выбор. Но он промолчал.

София оказалась не такой, как в моем сне. Я и вообразить не могла ее огромный внутренний объем, этот пузырь античной пустоты, пойманный кладкой. Мне снилось что-то закопченное и душное, а настоящая София была... Не знаю, как описать — полной прохладного древнего достоинства. Живой. Странной. Совсем не такой, как нынешние храмы. Или, может быть, это был храм другой религии, которую давно позабыли.

Мехмет водил меня от фрески к фреске и повторял у каждой заученный русский пассаж — видно было, что он делает это часто и уже не вдумывается в смысл произносимых слов.

Сначала слушать его было интересно и познавательно — кладка восьмого века, кладка десятого, тайные двери в тайный тупик и так далее. Особенно мне понравилась его имперсонация славянского князя перед византийским образом Богоматери — она сочилась таким тонким и даже обидным для русского сердца пониманием предмета, что я спросила, смотрел ли он «Андрея Рублева» (оказалось, смотрел, когда учился в Москве).

Мой информационный буфер переполнился, мне захотелось побродить одной, и я отпустила Мехмета до завтра.

Мне хотелось найти тот верхний коридор, где стоял золотой павлин. Ничего похожего нигде не было, но я была уверена, что у моего сновидения есть какой-то контрапункт в реальности. Нечто символически близкое, скажем так. И я действительно обнаружила галерею на втором этаже (куда я поднялась по самой обычной лестнице). Сходство заключалось главным образом в освещении.

Павлина, понятно, там не было. Зато я увидела стенд с рисунками Айя-Софии в разные исторические эпохи. Перед ним стояла пожи-

лая, но стройная и моложавая женщина с короткой седой стрижкой.

Вернее, дама.

Тут это слово просто напрашивалось: она была одета во все темное и неброское, но ее юбка, жакет, замшевые туфли, шелковая майка под жакетом и спущенный с головы на плечи черный платок выглядели безукоризненно. На ней совсем не было бижутерии. Эта дама заинтересовала меня даже больше, чем картинки на стенде, но я все еще не понимала, в чем дело.

Есть такое клише — мол, у некоторых людей особая аура, сразу притягивающая к ним внимание, внушающая почтение и так далее. Что такое аура, никто не знает. Происходит, скорее всего, следующее: мозг обрабатывает сумму приходящих в него сигналов и выдает вердикт — тут присутствует нечто такое, что я не могу расшифровать, поэтому лучше не хами, Саша.

Как будто я собиралась.

Я, наверно, глядела на даму слишком долго — она заметила и улыбнулась. Я улыбнулась в ответ.

У нее было доброе и умное лицо, живые глаза — и, если бы мне следовало угадать из трех раз, чем она занимается, я предположила бы, что это очень дорогая психоаналитич-

ка, топовый агент по торговле недвижимостью или вдова какого-нибудь миллиардера. Вдова, потому что вся в темном. До сих пор не может забыть свою скорбь.

— Ты, вероятно, из России? — спросила она по-русски.

— Да, — сказала я. — Это вы догадались по тому, как я на вас вылупилась?

— Нет, не только. Я обычно вижу, откуда человек родом. Тебя что, раздражает, если в тебе узнают русскую?

— Вовсе нет, — ответила я. — Просто не люблю, когда нарушается режим «стелс».

— Понимаю, — сказала она. — Извини, что мой радар тебя засек. Но ты ведь тоже обнаружила меня в пространстве.

Мы засмеялись. Я уже чувствовала к ней симпатию.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Саша.

— Хорошо. А я Со. Полное имя Софья, но меня так называли только в России. А это было давно.

— Софья? — переспросила я. — Вас зовут, как эту мечеть?

— В общем да, мы тезки. Поэтому я часто сюда возвращаюсь. Мне даже кажется иногда, что это мой дом.

— Если не ошибаюсь, — сказала я, — название храма в переводе значит «премудрость божия».

— Да, — кивнула Со. — И это совсем не то же самое, что человеческая мудрость. Гностики верили, что София — одно из высших проявлений божественного начала. Есть создатель нашего мира, а она — создатель создателя.

— Я читала про это, — сказала я. — Наш бог у нее вроде Франкенштейна от неудачного аборта, а мы у этого Франкенштейна типа оловянные солдатики, в которых он играет...

Она сделала такое лицо, как будто ей в рот попало что-то горькое. А потом это проглотила.

Саша, выражайся культурно, напомнила я себе. Ты в храме.

— Непонятно только, почему София женщина, — продолжала я. — Почему «она»? Ведь это бесплотный дух. Мне, конечно, приятно как феминистке, но мой турок рассказал, что христиане потом отождествили Софию с Христом. Такой Константинопольский патриархат...

— Твой турок? — нахмурилась Со. — Ты что, замужем?

— Нет, — ответила я. — Мой гид. Мехмет. Я его уже отпустила.

— Слава богу, — сказала она. — Не выходи за турка. А то станешь как эта церковь.

Хорошо, что мой добрый Мехмет уже ушел — его бы это обидело.

— Софий, кстати, много и в России, — сказала я. — Я имею в виду, соборов с таким названием. И всюду кто-то отметил. Или татары, или опричники. Или коммунисты, или Тарковский.

— Да, — согласилась она. — Это суть нашей истории.

— Мама рассказывала, — начала я, уже чувствуя, что говорю нелепость, но не в состоянии затормозить, — советскую власть называли «Софья Власьевна». Ну, по первым буквам. И еще потому, что она как бы за волосы всех таскала. Нет ли тут связи с Софией?

— Какой?

Вот зачем я это брякнула?

— Это я к тому, что мы были третьим Римом, — пролепетала я. — А здесь второй... Приняли, так сказать эстафету. Пока не приедешь, не поймешь...

— Ты о чем?

— Я... Я вчера ехала к гостинице, — нашла я наконец, — и увидела колонну Константина. И мне почудилось... Нет, не почудилось, а я на сто процентов ощутила, что это Москва рядом с Кремлем.

— Теперь понимаю, — улыбнулась Со. — Действительно, между этими православными столицами есть давняя связь. Одна и та же энергия, которую человек смутно ощущает. Из-за этого и возникает *deja vu*.

Она произнесла «*deja vu*» с французским прононсом.

— И насчет Софьи Власьевны ты отчасти права. Советская власть тоже была мудростью Божией. Только поддельной. Изготовленной, как писали советские сатирики, на Малой Арнаутской улице. Очень похоже на правду, но не вполне. А в итоге, совсем неправда и много крови... Зачем ты сюда приехала?

Этот вопрос не показался мне грубым или навязчивым. И я решила ответить на него честно.

— Я путешествую. Иду туда, не знаю куда, ищу то, не знаю что. Направляюсь к богу в гости.

Со засмеялась.

— Мне нравится. Ты серьезно?

— Я давно об этом мечтала, — сказала я. — У всякого молодого... Ну, сравнительно молодого человеческого существа хоть раз в жизни должно быть такое священное волшебное путешествие.

— Ты хочешь что-то найти?

— Не знаю, — ответила я. — Я подчиняюсь знакам. Указаниям свыше.

— Да? И как ты их получаешь?

Я пожала плечами.

— Просто в какой-то момент понимаю, что получила указание. И по возможности ему сле-

дую. Вот сюда, например, я именно так и пришла. Получила указание во сне.

Она посмотрела на меня с веселым недоверием.

— Значит, ты совсем не знаешь, что ищешь?

— Нет.

— Может быть, знание? Мудрость?

— Может быть.

— Тогда ты зря теряешь здесь время, — сказала Со. — Старая мудрость уже умерла.

— Почему?

— Чтобы понять это, надо видеть действие времени.

Она произнесла «видеть действие времени» особым тоном, словно речь шла о какой-то очень специфической процедуре.

— А разве я его не вижу? — спросила я. — Да каждый день. Вот в зеркале, например.

— Все живое меняется, — ответила Со. — Но я говорю о другом. Я говорю о действии времени на то, что по идее меняться не должно.

Она кивнула на щит с изображениями собора в разные эпохи.

— Вот посмотри на этот голубой дом...

Рисунок, который она имела в виду, был подписан «собор при Юстиниане сразу после постройки». Здание на нем действительно выглядело синеватым. Никаких поздних пристроек, минаретов, переделок — все было

строгим и чистым. И странно знакомым. Мне опять почудилось, что я видела похожее в Москве: то ли планетарий, то ли станция метро, то ли какой-то проект из тридцатых.

— Здание, конечно, изменилось, — сказала Со. — Видно по картинкам — вот шестой век, вот десятый, вот двенадцатый. Дома старятся как люди. Но эта идеальная София, которую строил Юстиниан — осталась она такой же, как в шестом веке?

— Я не понимаю, — ответила я.

— Твоя фотография в шестнадцать лет. Со временем она желтеет, выцветает. Старее бумага. Но то, что на ней изображено, ты в юности — вот это меняется или нет? То, какой ты была в шестнадцать — будет ли это тем же, когда тебе тридцать и когда тебе шестьдесят? Или через тысячу лет?

— Наверно, — сказала я, — это всегда будет одним и тем же. Потому что это... Ну, например, как погода девятого апреля прошлого года. Она всегда останется именно погодой девятого апреля.

— Не совсем так, — вздохнула Со. — И в этом главная проблема. Если в мире станет очень жарко, то выяснится, что девятого апреля прошлого года в нем было холодно. А если станет очень холодно, выяснится, что было жарко. Все наши оценки сравнительны. Ты

видишь Софию на портрете времен ее юности, но эти времена уже прошли. Ты глядишь на это здание с высот... Вернее, из глубин того, что случилось за последние полторы тысячи лет. Тебе кажется, что это допотопный советский дизайн. Какой-то кинотеатр «Ударник» на стероидах... Причем в этом «Ударнике» теперь ресторан, бордель и казино.

Она попала в точку — я поняла наконец, что именно напоминал этот рисунок.

— Но посмотри на голубой дом с куполом еще раз, — продолжала Со. — И попробуй увидеть его глазами ромейской девушки шестого века. Рим пал, прямоугольники прежних храмов расшибает молот истории, но есть новый Рим, и в нем — новый храм, не такой, как прежние... Здесь все это еще можно пережить. Попробуй.

Наверно, дело было в словах «прямоугольники прежних храмов». Действительно, подумала я, раньше их собирали из прямоугольников и треугольников. Золотое сечение, прямые линии, пифагоровы штаны, которым молилась античность. А тут — это чудо с куполами, каменный холм, волна...

И вдруг я поняла, чем София была для ромея: абсолютным авангардом, билетом в будущее, обещанием, что счастливый и свободный век спасения наконец наступил. Я увидела,

чем казалось это здание, когда оно было самым новым из всего построенного на Земле.

Я не додумала это, а именно увидела — хоть и очень зыбко, на самой границе восприятия. Голубой дом, похожий на облако благовонного дыма, закругленные окна, перечеркнутые двойными крестами, плавное нагромождение куполов и арок — все это стало безумно смелым футуристическим дизайном.

Я поняла, каково было стоять под этими стенами в шестом веке и видеть невозможное завтра. Примерно так сегодня можно было бы любоваться архитектурой прорыва где-нибудь в Шанхае или Токио — если бы ее одухотворяло что-то еще, кроме надежды разжиться бабками.

То, что я видела на рисунке, за эту секунду не изменилось совершенно. Изменилось то, *как* я видела. Да, это было удивительно...

Я попыталась в двух словах рассказать о своем переживании.

— Умница, — улыбнулась Со. — Как раз об этом я и говорю.

— Странно, — сказала я. — Время, когда существовала Византия, называется темными веками... А в Софии был такой легкий и радостный свет...

— Темные времена — это изобретение восемнадцатого-девятнадцатого веков. Чтобы

создать эпоху Просвещения, нужно придумать эпоху тьмы.

— Вы историк? — спросила я.

— В прошлом.

— То есть темных веков не было?

— Конечно нет. Всегда есть тьма и свет — в любую эпоху, в любом месте, где живут люди. Наши концепции истории — это граффити спреем на развалинах. Мы видим только то, что сами нарисовали поверх руин. У нас не остается никакой пришедшей из веков мудрости. Истины полностью меняют свой смысл и вкус, хотя все скрижали вроде бы на местах... Божественное откровение выплывает вместе со словами. А потом наступает новый век и оставляет поверх руин очередную наглуую роспись. Мудрость была в этом мире. Она жила в этом храме. Но теперь она испарилась без следа. Каждый век должен искать ее заново, и каждый человек тоже... Одна мудрость для молодых, другая мудрость для старых...

Ее лицо стало на секунду похожим на одну из грустных древних фресок, которые мне показывал Мехмет. А потом она улыбнулась, и к ней сразу вернулась ее веселая молодость.

— Какие у тебя на сегодня планы? — спросила она. — День только начинается.

— Никаких. Следующая экскурсия завтра. Мехмет придет в мою гостиницу в одиннадцатом.

цать, и мы пойдем на ипподром. В смысле, на римейский гипподром. Но я могу и пропустить.

— Поехали ко мне в гости, — сказала Со. — Там много молодежи. Такие же девочки и мальчики. Твои коллеги.

— В каком смысле коллеги?

— Тоже ищут не знаю чего. Только по другой методике. Тебе будет интересно, обещаю. Заодно и пообедаешь.

Эмодзи красивой но уже не слишком юной блондинки с удовольствием понимающей что для кого то она совсем еще девочка.png

*

Со жила не в отеле, а на яхте — собственной, на которой она сюда и приплыла. Яхта была пришвартована на Атакой Марине («я ее называю святой Мариной, — сказала Со с улыбкой, — чтобы София не скучала одна»). За время, проведенное в такси, мы окончательно перешли на «ты», успели обменяться телефонами и мэйлами — и я много узнала про свою новую знакомую.

Она была женой инвестора по имени Тим, хорошо заработавшего на паре калифорнийских стартапов («просто повезло в рулетку»). Сейчас семья уже отошла от бизнеса и плавала по миру на кораблике, где главным обра-

зом и жила («как Роберт Пирсиг, только лодка больше. Ты читала «Лайлу» Пирсига? Хотя да, совсем другое поколение...»). У них были дети моего возраста, и они со своими друзьями тоже гостили на яхте.

Яхт на Атакой Марине стояло множество — но все они были умеренных размеров, максимум с трейлер для мороженого мяса (я не разбираюсь в буржуазных лодках, так что мои сравнения могут быть неизящными). Эдакие погребальные ладьи среднего класса — нечто подобное вполне можно встретить на подмосковном водохранилище. Но одна яхта оказалась действительно здоровой.

Она была странно раскрашена: вся в разноцветных виньетках и розетках, с цветами и психоделическими орнаментами-абстракциями в духе шестидесятых. Такое ностальгическое революционное ретро — «любовь нельзя купить, но можно хорошо продать». Кораблику шло.

— Тиму нравился «роллс-ройс» Джона Леннона, — сказала Со. — Он всю жизнь мечтал о чем-то похожем и, когда купил яхту, решил раскрасить ее под этот автомобиль. Вернее, наш сын Майкл его убедил. Сам бы он побоялся.

— Очень мило получилось, — ответила я. — Прямо хочется зайти прикупить травки.

Со засмеялась.

— С этим тебе помогут.

Когда мы подошли к яхте, я увидела название:

AUrora

Почему, подумала я, и тут же поняла: «AU» — это обозначение золота в таблице Менделеева. Мало того, в один символ вписали другой: «A» было анархистским значком в кружке. Ну да, богатые тоже плачут. Главным образом от смеха над нами.

А потом я заметила нарисованный на корме павлиний хвост с глазами. Почти такой же, как в моем сне.

Нет, я точно приехала сюда не случайно. Это оно, мое путешествие, подумала я, и мне сделалось легко и спокойно.

Насчет травы я угадала — ее запашок стал чувствоваться с того момента, как мы сошли с трапа на палубу. Стены и двери вокруг были расписаны в том же нонкомформистско-психоделическом духе: «роллс-ройс» Леннона вполне мог выглядеть так изнутри.

Мы спустились по лестнице. Стала слышна тихая инди-музыка. Со раскрыла двери в большую каюту (тут травой завоняло так, словно мы попали в эпицентр лесного пожара) и сказала по-английски:

— Дети! У нас гости!

А потом повернулась ко мне — и сделала приглашающий жест: мол, входи.

— Дети, это моя подруга Саша. Развлеките ее пока, а я пойду к папочке...

Со ободряюще улыбнулась — и оставила меня наедине с шестью молодыми людьми, без выражения глядящими в мою сторону из сизых дымных пространств.

Большая — нет, огромная — каюта, наверняка полученная соединением двух или трех помещений, была оформлена как типичный буржуазный клуб, заигрывающий с анархистской эстетикой: черные звезды и разного вида буквы «А» (анархистские, антифовские и даже несколько тибетских — как они выглядят, я помнила). Присутствовали, впрочем, и элементы самоиронии.

На потолке золотыми заклепками было выбито огромное ухо, повернутое к собравшимся. Внутри уха желтела такая же заклепочная надпись:

THE BIG OTHER IS LISTENING!¹

На стене висел сразу рассмешивший меня плакат: молодой бородатый человек, эдакий голубоватый гик в черной рубашке с анархист-

¹ Большой Другой тебя слышит!

ской инсигнией, смотрел на зрителя, явно пытаясь выглядеть грозно. Снизу была подпись:

КАПИТАЛИЗМ, БЕРЕГИСЬ! Я РАЗРАБАТЫВАЮ НОВЫЕ АНАРХИСТСКИЕ ЭМОДЗИ ДЛЯ АЙФОНА!

Смешным было то, что все четверо парней (еще здесь было две девушки) очень походили на этого гика с плаката: такие же холенопсевдозапущенные бороды, а у одного к тому же — похожие очки.

— Я Майкл, — сказал очкарик. — Со — моя маман. А это моя милая Сара.

Сара была блондинкой, напоминающей молодую Шинейд О'Коннор. Скорее всего, с крашеным ежиком.

— Это друзья. Раджив, Андреас, Мэй, Фрэнк. Те, кого он называл, кивали мне и улыбались.

Раджив был индусом с желто-оранжевой бородой и затаенной злобой в глазах. Возможно, так казалось из-за глубоких теней вокруг его век. У него были длинные тонкие пальцы, указывающие на рафинированную древнюю кровь.

Андреас походил на актера второго плана из сериала «Викинги». Мэй была похожа на актрису оттуда же. Они выглядели старше других.